

Волотомавриотика

Жанр произведения: Фантастика
Произведение написал автор BookBox biozhiogs
Ссылка на публикацию

Капище

Лошадь скакала всей прытью, из-под копыт мелькающих шустро высекалась земля облачками пыли, отмечая путь неистовой скакуньи во всю дорогу, так что казалось будто животное вонзилось в серую и местами бугристую ленту земли как снаряд, прошивающий собой все преграды, редуты и башни. Солнце жрало пустыню, редкие деревца иссушенно скорбели в тиши зноя. Хрипя, кобыла догоняла свою тень, тряся мордой над текущей под ней твердыней, скоком натужным вверзаясь в воздух, раздирая его плотную горячую массу волнующейся в беге грудью, осаждая тяжелым от усталости крупом ход в задние ноги, но однако, продолжая стройно и резво скакать, поджимая чуть живот и ерзая ушами по ветру. Она будто поглощала дорогу, идя от солнца прочь в пустыню, к мертвым скалам, что тоже бросали тени в желтую землю, местами в трещинах, молчаливо и гордо возвышаясь на фоне ландшафта величием триумфального покоя. И движение лошади и покой пустыни как-то странно сочетались под лазурным гнетом распаленного неба, становились чем-то неуловимо общим, заговорчески обоюдным, жизненно важным.

Она рухнула на всем скаку — будто снаряд наконец нашел сообщенную ему артиллерийским стволом цель; пыль осела, и случайному наблюдателю могло открыться неподвижное коричневое тело, повернутое набок, с ногами сваленными как деревья в одну сторону, ветви осыпались, листья давно истлели, и вершинами слегка дрожащими в разбитых копытах смотрели в горизонт, тянулись к нему, жили в нем. А с другой стороны горизонта не было: там ползла пылевая буря, застилая уже собой и небо. Поглощая мертвые горы.

Дейв очнулся. Чуть приподняв голову от свернутой подкладкой спецовки, промасленной и слегка вонючей потом, прищурено повел взором, будто ища что-то, не двигая головой, а только лишь метнув глазами туда-сюда, цепляя ими в полусумраке недостающие детали привычной обстановки. Странный сон уже отпускал; он был реален, отчего Дейву казалось сейчас что он все еще спит. Но затхлая темнота помещения сейсмической станции внутри которой он «давил на ухо» была вполне себе обыкновенна, как надлежит достаточно сумеречна, насыщенная пылью и тишиной, пылинки блуждали в своем непрерывном спокойствии в световом луче что падал от щели в корпусе: пять лет назад сюда

попал метеорит, вернее, упал он чуть дальше, но обшивка станции каким-то образом лопнула в этом месте, как раз в двух метрах от лежака, который был плотно припаркован к стене. И на нем Дейв уже много лет «отъезжал» в свои сны. Много лет. Ему не хотелось думать сколько именно, но это было много. Однозначно так, потому что нет иного способа понимать, что твое добровольное заточение на планете системы Авимрадо третьего галактического кольца инферации Ипла (предусмотренный кодекс проектирования космических поселений) оказывается вполне оправдывающим поговорку «тише едешь дальше будешь», потому что вот уже... очень много лет он все так же каждое утро тридцатидвухчасовых суток просыпается, и сщурившись смотрит в полумраке в нечто осязаемое лишь предчувствием, потом волочит руку свисающую к полу до края лежака, потом кладет ее на живот, расслабленно ища в мыслях что-то что побудило бы его резко встать, вернее, сесть на постели, упереться, схватиться за край ложа, сдавить, напряженно прислушаться, учуяв нечто непредсказуемое и совершенно явно опасное... или, во всяком случае, могущее вызывать хотя бы самое незначительное волнение, стук сердца усиливается, он слушает шорохи, нюхает воздух, потому что нечто может не только издавать звук, но и пахнуть. Как пахнет нечто он не мог бы представить. Оно может пахнуть дождем и сырыми следами, которые оставляет за собой в тесной тишине и полусумраке коридоров станции.

Он поднялся, оперевшись на локти. Очень тихо. Равнина, там за стенами, спала. Иногда она не спит, а воет ветрами, несущими пылевые бури, иногда такие бури засыпают станцию основательно. Тогда он борется с этим. Он очищает пространство возле своего обиталища автоматом-компрессором, что встроен буквально в корпус станции в нескольких местах: так надо по технической инструкции Кодекса Ремиссии для планет такого типа. А компрессор также еще потребен для производства горных работ, то есть, блоки можно снять и перенастроить. Мало ли... тут столько ущелий, пещер, разломов... и везде есть признаки эмфатинола-16, вещества устойчивой группы эмзиолов, относимых к классу так называемого «звездного вещества», пусть и называемого так несколько условно, но такого, которого нет в недрах старушки Земли. Не особо важная добыча, кстати. Но при обнаружении следов минерала на планете (автоматом рекурсии, космическим следопытом) тут же активировалась программа исследований, и он, будучи еще студентом, записался на курсы технической безопасности космозонального прибавления, КТБКП, пока выговоришь заблудишь язык. Почему так называется он и не спрашивал. Только уже на станции, спустя... много лет, почему-то, вдруг, как-то задумался над этим... «прибавлением». Что бы это могло значить? Пока лишь ощущался только убыток, прежде всего моральный. Он оказался на станции один, совсем один. То ли ошибка администрации проекта (хотя, вся администрация в таком

малозначительном начинании могла состоять всего лишь из молоденькой референточки с полувысшим образованием), то ли проект действительно настолько мало продуктивный — для настоящего времени, конечно же, только так... спустя еще... много лет... какой-нибудь технопромышленный институт запросит данные о... эмфатиноле и... «референточка» помимо иных прочих дел, несомненно важных и нужных, наряду с получасовым обязательным каждодвухнедельным маникюром, вспомнит о... базе Авимрадо! — о чудо, это обязательно произойдет, возможно уже в следующем месяце... или пусть хотя бы и позже. Но непременно.

Итак, завершив курсы с отличием, и получив в отделе распределений компании Инфософт-Систем-Стар откремление по адресу данной планетенки, не закончив дипломную работу, так как надеялся, что его обязанность по распределению уложится в несколько месяцев, а там он вернется в университет, Дейв с легким сердцем и смутными надеждами на будущее, чего-то ожидая, чего-то недопонимая, в чем-то даже сомневаясь, занял пассажирское кресло на «Адвендаре», космолете звездоплавательного типа, разгоняющегося до сорока трех световых. Кресло, видимо, и внушило ему те сны, которые он ныне обнаруживает на лежаке возле стены, в которую пять лет назад долбанул метеоритный раскаленный кусок. Всю дорогу до системы он был в коматозе, вернее, на самом пике перехода, когда «Адвендар» перескочил-превозмог отметку в семнадцать мезон-циклов (так звездолетчики на своем удивительном жаргоне именуют световые пороги), кресло запаковало его в сон. Он и не заметил. Он просто очнулся уже возле системы.

Происходит все очень просто. Вы сидите, читаете, или слушаете музыку. Что вы делаете не важно, потому что вы по-любому в кресле, по-любому пристегнуты. На вас биокостюм. Это не совсем скафандр, вернее, совсем не скафандр, это то, что надевается под скафандр. Вот... такое объяснение. А далее как бы еще интереснее: в районе промежности биоферпол... э... ну, вы поняли, это для... это чтобы не было запаха. Надо ж иногда и нужду справлять, так как терпеть всю дорогу просто нереально. Данный нательный аппарат гигиены работает изнутри, расщепляя отвергаемую организмом биомассу-отход до состояния пустоты. Можно и не тужиться. Дейв пытался шутить с самим собой по этому поводу, представляя совершенно комичную ситуацию, в которой биоферпол отказал и астронавт оказывается в ситуации «ах, что же это, какое кощунство»... глупая шутка, биоферпол не может отказать, он надежен как и весь космический флот цивилизации. И сидите себе, проходят часы. На экране перед креслом можно наблюдать космос. Иногда интригует, но по сути, мало чем отличается от научно-познавательных фильмотреков. К тому же, фильмотрек можно смотреть в три-дэ внутреннем режиме, полностью входить в реальность

видеомодели.

И вот так вот... постепенно вам надоедает просто сидеть, хотя кресло обладает массажным эффектом и вы способны высидеть в нем и неделю. Наверное. Но Дейв не имел возможности проверить данный миф, бытующий в основном в молодежных кругах, так как, в общем-то, речь шла не просто о «посидеть в таком кресле неделю», а сделать это в условиях движения находясь на космическом борту типа «Адвендара». Вам надоедает, но вы слушаете музыку или читаете, или смотрите в экран обзора, где на темном фоне застыли искорки звезд, туманностей, где пустота и покой заколдованы временем недоступным для осмысления... Здесь вся соль момента недоступного и восприятию: кажется что вечность застыла и более никуда не движется; если только она куда-то двигалась до этого, до того как вы обнаружили для себя, своего мнительного ощущения, объем бесконечности... Вселенная как совершенных размеров черный паук с восхитительной раскраской по всему панцирю, что плетет паутину пространств, и звездный странник, несущий вас в своем чреве, застрял в этой паутине, он — жертва своей собственной скорости, потому что остановиться не может, остановиться нельзя, иначе гибель*, так как космос в межзвездном пространстве действительно сроден паутине злобного паука, так как вселенная жует собой гравитацию, перетягивает внутри себя канаты силовых проекций вакуума, зачинает новые вихри вещества, создает звезды. Галактики. И внутри этого безостановочного движения хаос. Паутина гравитации. Смысл рывка. Дейв закрыл глаза и снова рухнул на подушку из свернутой спецовки, запутавшись в измышлениях, в полудетских фантазиях и нечаянных, но навязчивых образах космической реальности.

Сон опять догонял его. Лошадь. Она все бежит, а потом падает. А потом он просыпается и смотрит в сумрак. Долго. Он не знает точно сколько. Ему нет смысла это знать точно. Так же как нет смысла точно помнить сколько лет он уже здесь. На сейсмической базе, которую поставили прежде всего, прежде заготовительного узла и рабочего функционала, что содержит робокомплекс и «сферы». М-да. Что такое «сферы» объяснить особенно сложно. Дейв вдохнул и задержал дыхание. Сколько получится удержаться. Интересно. Или нет. Просто так. Пока сумрак еще держит его в магии сна.

Итак, «сфер» нет; так же как нет и рабочего функционала и заготовительного узла. Его задачей было обеспечить самый общий надзор над ходом подготовительной части закладки базы. Здесь не нужен специалист высокого профиля... здесь справится и «референточка» с нежно-фиалковым взглядом зачем-то излишне удивительных глаз, смотрящих ласково и с укором, по-разному смотрящих, но... все как-то мимо тебя. Потому что ты лежишь в полусумраке

отсека базы, станции метеорологических исследований и одновременно сейсмической лаборатории, и стараешься не дышать, потому что... да потому что, собственно, не в воздухе счастье! Разве нет? Это интересная мысль, вот что интересно. Дейв чертыхнулся. Убить время не получалось. Надо встать и хотя бы пройтись что ли, размять мышцы. Выйти наружу, посмотреть на равнину. На встающий Авимрадо. Поднимающий из-за горизонта свое великое шароподобное бельмо в этом смуром небе. Новости с Земли он давно уже не слушает. Приелось. Или... чего их слушать. Так далеко... бессмысленно и навевает меланхолию. Однажды с ночи он плакал. Ему стало жаль лошадь. Это было, кажется, совсем недавно. А сон с лошадью снился-то всего несколько раз. Почему лошадь? Что в ней такого? И нужен ли здесь психоанализ... Возможно, это ничего и не значит. Просто навеянный пустыней мысленный шлак. Пф. Выдохнуть и — все.

Через два месяца после прибытия он получил ориентировку по радио, что ценность минерала пересмотрена компанией, и пока что, план дальнейшей реконструкции базы и намеченного запуска отодвигается по времени. Насколько. Неизвестно. Вернее, точно пока никто не скажет. Лицо инженера технической связи было несколько угрюмо. Но в морщинах еще не старика, но мужчины в летах, Дейв увидел, сквозь не представляющиеся никак парсеки, пожалуй, сожаление. На его счет? Вслух, наверное, не все можно говорить. Чисто по-человечески. А возможно еще потому, что все передачи записываются. И кто их там потом смотрит? А?

Референточка. Мгм. Хорошо.

Он выдохнул. Как выплюнул. Надоело.

Встал с лежака резким движением. Когда биокресло пассажирского рейсового звездолета «запаковывает вас в сон», вы, возможно, читали про коневодство древнего мира. И вам было поначалу небезынтересно это, а позже вы обнаружили интеллектуальную усталость, потому что образ животного, которого, как это называлось, «седлали», потом заскакивали на него и заставляли возить себя... вам кажется не просто странным, он отвращает.

Створки биокамеры сиденья смыкаются прозрачным куполом, вы уже спите, удобно распластавшись, растекшись по широкой и глубоко принимающей вас массажной спинке, уперев ноги, что облачены в ботинки космического образца, удобные «берцы», захватывающие выше щиколотки мягким и прочно облегающим верхом, в специальные пазы, а в руках все продолжая держать глянцевый журнал «Натуралист» с интересными статьями на тему биосферы

родной планеты. Изобилующий историческими справками и современными открытиями биологов. Из него вы впервые можете узнать древнее слово «религия», пробежав почти мельком глазами повествование известного ученого-историка о капищах, что устраивали язычники в эпоху канувшего в небытие мира. Они придумывали себе богов и молились им, изнывая в приступе слабоумия и неудержимой жажды превосходства над подобными себе. Удивительно. Но делать все равно нечего в ожидании пока «Адвендар» перейдет в режим предэффективного хода; самый эффективный будет на скорости в сорок с лишним импер или... разумеется, мезон-циклов, но вы уже будете в коматозированном трансе мозговой активности. Вы будете спать.

Перелет занял почти две недели. Система Авимрадо очутилась на экране обзора перед Дейвом как только он раскрыл глаза и створки биокамеры разъехались в стороны. На борту экипажа не было, звездолет совершил рейс в автоматическом режиме, это новшество стало доступным совсем недавно благодаря решению Комиссии Гравитационного Наблюдения, они решили, что технически это уже возможно. Однако, он был совсем не первый кто испытал на себе чисто автоматический полет к дальним звездам. Даже здесь он просто пассажир, а не первопроходец. А почему, собственно, «даже»? Странно. Мысли вслух, что называется, но — к чему? Хмыкнул. Стоя возле лежака помял ногами пол. Надо обуться. Присел обратно и нагнулся, нащупал рукой обувку. Притянул ботинок за ременной держатель: надо обвести по кругу и закрепить когда ботинок уже на ноге.

Так и сделал. Готово. Встал. Потоптался. Хмыкнул. Годы...

Комбинезон уже давно не снимает ложась и ожидая наступления ночи. Или прихода сна. В котором лошадь будет рвать хрипом каждый свой рывок. Она устала. Как и он. В ожидании конца пути.

Там... где-то на краю равнины, где вместо гор, пиками уткнувшимися в сумрачное небо, только пустота высушенной земли, куда хватает глаз... там он установит свое капище, и будет молиться богам времени, в надежде быть избранным, зная что только так возможно вернуться в цивилизацию и завершить дипломную работу, и сдать экзамен, становясь специалистом роботехнических комплексов. Пока летел, в самом начале, еще до анабиоза, он представлял как будет следить за отладкой программного сопровождения рабочих единиц функционала, как будет выслеживать недочеты, возможно допущенные инженерами компании, ибо не все ведь так гладко и ровно во вселенной, в жизни, ведь может быть и просчет, верно? Конечно же. Он почти не сомневался.

Пройдя по коридору и остановившись возле железной плиты двери ведущей наружу, он коснулся холодной массивности ее, положил ладонь, так, будто хотел оттолкнуть от себя, дать понять, что она лишняя. Он прислушался. Тишина холодом входила в него, достигала костей, стискивала мозг. Рука легла на засов электронного замка. Раздалось зычное п-шш, и дрогнув, плита ушла вперед-наружу и сразу же в сторону. Ворвался ветер. Постояв еще в шлюзе, он сделал шаг на первую ступень металлической лестницы. До поверхности было около трех метров. Начал спуск. Медленно. Будто в преисподнюю...

Равнина спала. Она не то, чтобы еще не проснулась — с первыми лучами местного солнца — она натурально спала, едва гоняя по себе ветер, что игрался легкой поземкой пылевого осадка. Так — по всей равнине. Ровной как стекло, лишь выступы многокилометровых пиков вонзаются в небо, чистое от звезд, потому что уже светло. Авимрадо пылает своим бельмом. Можно смотреть: глаза привыкают быстро. Особенно если на зрачках плавающие линзы светофильтров, и со стороны можно видеть как зрачки мутнеют, когда Дейв смотрит на звезду, потому что фильтры работают безотказно. Они почти вечные, эти фильтры. Но некому заглянуть ему в глаза. Почему же...

Он смотрит выше. Авимрадо только слегка оторвал свой овал от горизонта. Специфический гравитационный эффект: звезда кажется слегка вытянутой кверху. Или атмосферный... Он не астроном. В сопроводительную документацию по данной звездной системе сильно не вникал, потому что там тома электронной информации в памяти компьютера базы. А зачем это ему? То что нужно и важно выделено красным цветом, когда открываешь рубрикатор каталога. Остальное... Он не вникал, потому что штудировал техническую проблематику конструкции новых роботов, которые должны были доставить в ближайшие недели после его прибытия. Но теперь он сам как робот. Даже пытается разучиться дышать. Смешно.

Поднял глаза. Прищурился. В небе ползла точка.

Нечто спускалось на планету. «Адвендар»? Хотя какая разница.

Он сошел с лестницы, и осмотрел горизонт. Больше ничего. Только эта точка. Ползет в небе. Провел рукой по волосам. И ощутил себя совсем старым, древним даже, по сути язычником, благоговейно вызревающим возле капища своего явление божества.

———————

* В условиях конкретно взятой звездной системы, благодаря «гравитационному разлету зоны сопряжений», за счет вращения звезды и планет, образуется сфера сбалансированного космоса, которая нарушается далеко за пределами данной статики, так как вселенная гравитационно перенасыщена силовым реверсированием принципа массы: за счет чего и происходит возникновение новых звезд, галактик, и прежде всего, речь о «тяге вселенной» что вынуждает планеты и звезды (галактики) вращаться.

Z-призма

— До... Призмы-Эмнактаута восемнадцать парсек.

— Что? — Винчер медленно повернул голову к обронившему фразу. Экран-стигматрон был пуст, черен как сон, от которого уже не проснешься.

Оба сидели в пилотских креслах. В кабине тишина; только шелестит счетчик амплитуды магнитореверсного каскада: турбиноареквактер работал на пределе. Потому включился счетчик. Они завершали движение в межгалактическом провале, шли на сближение с энергомассой периферийных зон галактики Экс-дубль Омикрон зет призма. Экипаж — остальные, кто в рейде — зажаты в инжекторах анабиозной транс-плексатории, своего рода сон, но это другое. Скорее коматозирование жизнефункций. Неприятный термин, немного с «завихом», однако, правило: экипаж «законсервирован» при проходе через провал. Бодрствуют, то есть функционально активны двое: осуществляют контроль аппаратных средств. Невозможно доверить технике собственную жизнь; просто настроить компьютер борта на переход, лечь в акустическую ванну, погрузиться в эмертон-спазм психоактивности... пробудиться уже на границе с гравитационной зоной? На сближении с галактикой, с ее периферийным окружением. А то и прямо у заданной цели: всё, подъем, бездна нас не коснулась; лишь слегка царапнула по нервам (тех, кто — все-таки — заступал на смены, вел аппарат «по дну» гравитационного неба... поэтично почти).

Фел передернул плечами. Его проход через нуль-зону первый. Зачет. Теперь он более уверенно смотрит на свое будущее эксперта-навигатора.

«Что?» — отчеканилось в его мозгу вопросительное недоумение Винчера.

(До Призмы-Эмнактаута восемнадцать парсек...)

Фел хотел добавить, что это значит всё, они дошли до... безопасной зоны гравитационных течений, начинался обычный космос...

Винчер продолжал смотреть в пустой экран. Он ждал знаков компьютерной базы магниторевёрса, аппарата-звездолета, который так плавно и уверенно, в сжатом рывке и спокойной грации движимого избытка силы гравитационной тяги двигателя доставил их к месту назначения, укромно вкатил будто шар в паз, сохранив от бездны, не потеряв равновес магнитроидной тяги... не зажевав собой виброэкстернальную пустоту провала... не став зажеван ей...

Дотянул. Это еще не осознавалось до конца, но нервы можно было уже не напрягать: они устойчиво входили в более спокойное пространство. Виброфон черной вуали забортовой смерти сменялся все более стабильными характеристиками космического поля экс-иртен-инверсии общепространственной преамбулы континуума.

— Что ты говоришь? — сверля взглядом экран, повторил Винчер.

— Дерьмо...

Винчер посмотрел на него. Секунда. Скользящий взгляд. Не выпуская экран из виду.

Оба понимали, что один из них, похоже, слишком перенервничал за время смены. А может дело в том, что их смена была завершающей... самой ответственной, что ли, хотя это и глупо звучит: остальные, что, были менее?

— Буди первую пару. Мы сдаем смену.

Им надо отдыхать. Просто отдых. Это уже не (будет) связано с провалом; с провалом, в котором теснота вселенских пустот и гравитационная разряженность столь велики, что это может разрушить реплатоид, который — по какой-то почти невозможной причине — сбросит скорость до отметки менее чем половина скорости света...

(«И все-таки до Призмы-Эмнактаута всего лишь восемнадцать парсек...»).

Фел подумал о том — совершенно вскользь — что удивляться нечему: это его первый сверхдальний рейд. Сморозил глупость. Что же...

Прошло несколько минут, звук голоса еще будто вибрировал в пространстве кабины. Призма-Эмнактаут всего лишь техническая отметина на план-штоке (путевой карте); это место уже далеко позади, они идут на такой скорости, что

за две с лишним минуты такое расстояние покрывается совершенно незаметно. Но это его первый сверхдальний рейс. Реплатоид слегка содрогался мелкой дрожью. Последние мультипарсеки. Периферийная зона сбалансированной гравитации уже совсем близко. А дальше цель назначения — система Макро, где они сядут на планету и забудут весь этот ужас. Космос провала, казалось, вытянул, высосал из личной психозоны каждого немалую часть жизни; той жизни, которой должно хватить для завершения миссии: но это уже истерика. Просто истеричное освидетельствование факта итога. Магниторевер сжал тягу... реплатоид встряхнуло.

— Реплекссимметрия.

Это Винчер зафиксировал сдвигом каскада траекторию движения, турбиноарекватер будто всхлипнул: они начали сброс скорости.

Сто шестьдесят световых пороговых сектроид-циклов. Сто пятьдесят шесть... Сто сорок.

— Почему так быстро?

Винчер хмыкнул.

— Каждый навигатор это делает чуть по-своему. Поймешь позже.

Из черноты экрана вспыхнуло тенью нечто. Это было первое прикосновение сканера аппарата к периферийной зоне галактики — они действительно выкарабкивались из этой бездны.

— Буди экипаж, — повторил Винчер.

И вспомнил, как неприятно, ощущая из трансплексии резкий сброс скорости, оставаться беспомощным.

Галактика спала сном глубоким и трепетным, вращаясь зримо лишь для вечности «колесом обозрения». Но в пространстве нет сторон, верха или низа, есть только колыхание времени воронкой «паузы»: это время покоит потоки гравитации на себе, будто баюкая, и как искусный гончар, любовно выравнивая гармонией неровности обвода по краю… глина скользит и ласкает пальцы.

Фел провел ладонью над приборной панелью, будто ожидая отклика. Но сенсорный пульт уже не работал, автоматически отключившись как только

реплатоид пересек условную черту «гравитационного бассейна», и аппарат с живым содержимым на борту вошел в зону контакта с галактикой.

Винчер ткнул в обзорный экран.

— Вон наша планета, в том районе.

И вскинул глаза к напарнику.

— Возьми управление… Пока все очухаются от стазиса… доведи нас до контрольной точки реплексации трассы.

Это означало, что нужно предельно внимательно отследить действия аппаратных средств навигации, поправляя если нужно компьютер, пока не станет возможно передать технике полностью инициативу продвижения по заданному курсу. Ресивер забортового сканера искал нужную планету. Они продолжали сбавлять скорость.

Фел сел на место Винчера.

— Осмотрю панель генератора. — Старший направился к проему выхода из кабины пилотирования. Реплатоид опять тряхнуло.

Остановился. Оглянулся на молодого навигатора. Постоял несколько зависших в кабинном сумраке космоса секунд, стигматрон «жевал» нити звездного света, что проекциями «хлыстов» блуждали по экрану: реплатоид сильно сбросил скорость, сошел с экстатермической волны гравитационного пика, он будто сползал с горы к подножию пространственного ландшафта. И потому терял устойчивость, все еще находясь в области влияния разряженной пустоты, вакуума, который подобен глодающему до костей монстру.

Машину мотало. Фел держал плавность сдвига, будто укачивал весы до полной их остановки и равновесия чаш.

Винчер приспустил голову, будто кивнул самому себе, но то было иное, наверное, он просто устал, банально издержался, не только в этом рейде, ему, кажется, пора сменить комбинезон астронавигатора на… нечто более приземленное. Годы…

Фел вел аппарат молча.

Вопросов не поступало.

Тогда Винчер вышел в переходной отсек, коий являлся стыковочным коридором между секциями. Новая, неизведанная галактика принимала их в себя. Они шли

сюда чтобы проверить результат работы дальнего «телескопа», галойдера, технический зонд послать нельзя, нужна сверка наживую…

От их миссии зависит процесс дальнейших исследований и развития науки в целом. Иначе тупик. Потому он здесь. И Фел, и остальные.

Еще замер на секунду, ощущая спиной движение пространственной реки, по которой шел их космический ковчег, остаточно сотрясаясь, буравя гравитоном движка цикличный замóк вселенской тяги, за счет которой аппарат и «работал в пространстве» (выражение, сленг… опытных мастеров межзвездной навигации). Ныне же пришлось взять Провал…

Он больше не пойдет через расщелину. Между галактиками разряжено пространство. Это высушивает нервы, это большой риск не вернуться. И соскользнуть с такого пика, на котором реплатоид идет на предельной скорости — почти соотносимой гравитационному стягиванию массы, это скорость вселенских взаимодействий уровня фундаментальной планиметрии ее устройства. То есть, выйдя на предел движка… они обнаруживают «балансовый сдвиг» между галактиками, и идут по нему, и получается, будто сама вселенная стала двигателем космической искусственной машины. Скорость увеличивается в сотни и тысячи раз. Они итак идут на многократном превышении светового барьера. Но здесь… скачок… тяга возрастает неимоверно, прибор слежения скорости меркнет и они уже не видят показателя. Только все более темнеющий экран, стягивающийся «жидкой тьмой». Вернее, липкой, как ощущается. В стигматрон лучше не смотреть, или не смотреть долго… ориентироваться по приборам. Что новичку особенно сложно, нужен контакт с естественным забортовым фоном реальности.

Иногда мутит рассудок. Чуть. Но терпимо. Они проходят такую подготовку, что это вообще «ни о чем». Конечно.

Он знал что Фел хочет спросить, но не спрашивает. Должен сам. Несмотря на возможную опасность…

«О чем ты»… Пора на более спокойные трассы, явно. Но как признаться в этом прежде всего себе. Как.

Они уже внутри зоны. Опасности нет. Фел справится.

С этой последней мыслью Винчер вошел в генераторный отсек.

Волотомавриотика

«Создавший метод, должен опасаться, что метод может сработать».

~~~~~~~~~~~~~~~~

Из сутры «Обреченного на не обреченность».

Самая большая ошибка понимать очевидное праздностью, в таком случае нет надежды на возврат к началу бессмыслия, что возбудило интерес и желание знания. Мир в осколке взгляда... странное выражение, но в нем есть обращение к сути и предчувствию и силе наития. Вместо себя познающий выбирает фактор. Сердечное томление мыслителя издержано смыслами бытия. И внимающий расторгает собой заблуждение.

~~~~~~~~~~~~~~~~

Навеяно Бхагавад-гитой.

«Существует мироздание. В нем существуем мы. Без нас мироздания нет. Потому что некому в мироздании быть. А потому мы исключаем собой мироздание когда нас нет».

~~~~~~~~~~~~~~~~

Грегори Сайлос. Записки на манжетах.

На контрольном табло, наконец,, высветилось то, чего все ждали.

По космопорту только что объявили, что внутригалактический гиперсветовой лайнер «Амброзия-9000» стартует с четвертой площадки левого крыла космопорта в шестнадцать часов тридцать две минуты и плюс еще сорок пять секунд, то есть, как это обычно бывает, с небольшой задержкой ровно на тридцать секунд. Сегодня на тридцать секунд... Закономерность.
~~~~~~~~~~~~~~~~

Сайлоси Грегор посмотрел на свои наручные часы, и оттянув себе правый край губ, будто нехотя скривившись, издал прицокивающий звук, что могло означать в данных обстоятельствах совершенно что угодно, кроме, разумеется, внезапной, необдуманной или поспешной мысли о повороте на сто восемьдесят градусов и отказе, полном отказе от того, к чему он готовился последние восемнадцать лет, к чему так безоглядно стремился, чем дышал и неистово жил все эти лихорадочные годы. И теперь он смотрел на свои наручные часы, ожидая, когда, наконец, объявят посадку на трансгалактический звездолет.

«Почему-то всегда так бывает» — несколько отвлеченно, думая на самом деле совсем о другом, проговорил сам в себе Сайлоси, — «задержка отправления...».

(«Вы немного опоздали, молодой человек, она уже уехала...»

«Уехала... куда?»

«Мне жаль, но... Миарда просила Вам передать, если зайдете... В общем, не принимайте близко к сердцу, Сайл, но не пара Вы ей, право же... не обижайтесь»)

Он чуть выпятил губы, и еле заметно кивая в раздумье самому себе, приподнял левую бровь, отрывая взгляд от часов. Это значит, что мечта всей его никому не нужной жизни осуществится на тридцать секунд позже. Он как-то нервно усмехнулся, еще крепче сжимая в правой руке рукоять довольно массивного кейса. Это не суеверие, — где-то глубинно и ярко мелькнуло у него, — просто восемнадцать лет пытки... НИКАКИХ ЗАДЕРЖЕК!

Сайлоси окинул невероятно отстраненным взглядом навевающий чувство уединения полумрак бара, овальные, будто растущие из пола как грибы-поганки, несколько столиков, за одним из которых зачаровано перешептывалась парочка молодых (супругов?), видимо, все же, нечаянно влюбленных. Молодость... Он отвернулся к стойке и взял левой рукой свое уже почти допитое пиво. Глубина бокала суетилась пузырьками, отражая беспечный свет обстановки, слегка пенясь на поверхности, становясь чем-то всамделишно обязательным, и тут же ненужным, излишним, что ли. Он посмотрел сквозь бокал. Частички молекулярных сгустков. На миг уловив хоровод сумбурных сочетаний микроуровней вещественности в жидкости, он отнял проникающий взгляд, отвел чуть в сторону, не теряя уже познанную глубину из вида. Ему было и хорошо, и сразу не очень, впрочем, перипетия своей внутренней несогласованности давно уже привык принимать как данность. И не спор, и не констатация с утверждением истины; межличность, самопознание в аспекте расколотой тревоги за будущность, которая была определена, и нет, не была. Сознание

навязчиво и хамски толкало к мысли о шизофрении, хотя, возможно только признаковой… но интеллект боролся с таким чувством, и перебарывал, ломал об колено, ибо он… самодостаточен в стремлении очевидного. Что скрывать, он признается самому себе, что болен психически, и тут же производит обследование, соизмеряя и ведя собственный анамнез, который считает тут же врачебной ошибкой. Но он не врач, что понимает, и тем не менее, этот внутренний несвязный диалог с самим собой только утверждает в собственной силе глубинного поиска ответов. Вот, как в этом бокале: посмотрел, и прочуял колготу молекулярных структур, как будто увидел, но это другое.

Оглядел еще раз помещение. Лениво и с уверенным знанием о предстоящей минуте. Мир плавно двигался вслед за его взглядом, чтобы быть нанизанным как освежеванный бык на вертел. Когда-то… в очень далеком прошлом так делали, он изучал исторические архивы. Будто бы хмыкнул, и примостившись удобнее на высоком стуле, снова остановил внимание на парочке.

Молодость… Восемнадцать лет назад он убил свою молодость, с безвозвратной решимостью, которой бы позавидовала сама смерть, он ввел себе вакцину Тросборга. Он убил в себе не только молодость. Он убил в себе человека, когда тонкая игла уже опустошенного инъектора вытянулась из его набухшей вены. И до сих пор может отчетливо слышать скрежет собственных зубов и невыносимую резь в глазах, которые будто проворачивались в глазницах, чтобы заглянуть в пульсирующий адской болью мозг. Секунды, каждая из которых вмещает целую жизнь. А потом он выплевывал изо рта зубную крошку, полубезумным взглядом, ничего не видящим, кроме вибрирующей фиолетом пустоты, исступленно глядя перед собой, и испытывая неописуемый восторг Победителя, думая о том, кто он теперь есть. Зубы начали крошиться раньше, ведь он готовил себя к последнему, завершающему акту, готовил к вакцине. Для этого нужно было поставить над собой несколько экспериментов по биофронтации, побудить мозг на активную регенерацию, раз уж природа несколько обошла данный пункт генезиса стороной. Вылезали ногти, выпадали волосы. Он облучился, но то была направленная радиация, с примесью «лучей квантонации». Всю эту кухню понимал в идеале Тросборг. Но ученый, в тайне от всех, отдал свое тело винтальной ловушке противокосмических частиц, так, во всяком случае говорилось в его записях, что были найдены в лаборатории. Он хотел открыть истинное бессмертие, а не какое-то замшелое чудачество с геронтологическим кодом долголетия. Наука объясняла как возможность прожить достаточно долгую, полную свершений и неколебимого здоровья жизнь, но ученый-фикруатолог не доверял сему. Он открыто смеялся над обществом, что попалось на удочку «сиюминутного долголетия» (его известное высказывание прессе). Однако, Грегор решил пойти дальше, впрочем… не

полагая себя более значимой для науки фигурой, чем доктор Тросборг. Над отцом метода «Фи-карты» смеялись, пред ним будут трепетать. Он так чувствовал, и то было его достоинство, его честность перед собой, открытым и правдивым человеком, героем нового времени, что вот-вот наступит.

Мысль о шизофрении пришла не сама, то был результат беседы с приятелем, профессором-медиком, что защитил диссертацию по вопросу выявления субличностных патологий. Который, при легкой дружеской беседе как-то подсунул ему тест, внушив потребность «его проверить», мол, экспериментальная штука, хочу твоего мнения... Мерзавец. На минуту он вынудил Грегора усомниться в себе. А это неслыханно... преступно даже — останавливать его на полпути... да, что там! он уже у цели, почти у цели. И он швырнул листок с вопросами теста ему в лицо, он хохотал и глумился, намекнув прямым смыслом, что тому стоило бы поупражняться сперва с собой, дабы удивляться насколько тест четко работает. Грегор тогда наговорил много лишнего, но теперь не жалеет.

Сайлоси отхлебнул еще пива из стеклянного цилиндра и слегка улыбнулся, зачарованно исследуя в своей памяти мгновения, предрекавшие невероятный для одного человека триумф.

Восемнадцать лет пытки, потому что вакцина Тросборга как-то повлияла на гипофиз, и чувствительность его нервной системы возросла в пятнадцать раз. Он должен был умереть, потому что те, кто пытался изменить себя таким образом до него, начиная с самого Тросборга, умирали в жуткой для человеческого восприятия агонии. Но он выжил, потому что до того момента, как ввести саму вакцину, он два года почти, испытывал стойкость своей нервной системы электрошоком, мощность которого увеличивал постепенно день ото дня. А потом квантонация, по своей собственной, и выходит что, практически гениальной, схеме. Восемнадцать лет... Значит, все же, двадцать лет почти. Он просто привык к боли, которая может затмить рассудок. Привык терпеть и транспортировать глубокое раздражение нервных клеток в спазм прострации. Таким образом, ему было не страшно испытывать... что угодно испытывать. Ибо поднялся над суетой человеческого естества, как думал, как понимал. Вернее — констатировал, конечно же так.

Внутренним взглядом еще раз окинул помещение небольшого бара, и все также погруженный в свои воспоминания, немного поверхностно проник во взаимные чувства шушукающейся у него за спиной парочки. И с некоторым сожалением попутно заметил про себя, что в его жизни не было и уже никогда не будет подобной восторженности и упоения кем-то другим: упоением взаимным и страстным. Одновременно с этим, он еще раз проанализировал свой, еще много

лет назад досконально продуманный план действий. И отпив еще, и поджимая губы, чтобы раздавить пивной горьковатый вкус у себя во рту, удовлетворенно, чуть еле заметно кивнул своему отражению, что смотрело на этот мир через высокую стойку портового бара, которых здесь было сотни. Центральный космопорт планеты Земля. И его молодость... которую он уничтожил, но взамен получил возможность быть не человеком, тем, кто знает что-либо быстрее, чем можно не знать.

Парочка шушукалась, девица прыснула. Он знал значение этого смеха. На мгновение показалось, что они оба смотрят ему в спину, и парень шепчет ей на ухо смешной для их интеллекта анекдот про заблудившегося командировочного, перепутавшего планеты назначения. Отогнал наваждение, и снова в голове прояснился ореол телепатической связи, в центре его пустоты пульсировала мысль... пришедшая с «расстояния» пяти метров. Из-за спины.

Мелькнула картина домашнего уюта, успокаивающий шелест наклеенных на вентилятор полосок бумаги, что поддавшись искусственному потоку ветра, его прохладному напору, колтыхались и рождали звук тишины. Воспоминание из ее детства, которое она сейчас и не осознавала. Что это? Она сама нечаянно пробудила в памяти образ из детства, или то... его «телепатический вклад» в естество девушки? Поморщился. Едва заметно. Не любил неопределенности. Или это делает он, или не он...

Чуть развернувшись и сев боком, стал наблюдать «фронтом внутреннего слуха». Нужно было сосредоточиться, хотя данное упражнение сейчас было излишне, нужно было думать о другом, готовиться морально к предстоящему, просчитывать еще раз и еще ходы исполнения. Но... ладно, немного отвлечется, только на пользу. Он даже кивнул себе, и со стороны могло бы вскользь показаться, что перепивший клюет носом.

Ее воспоминание, спонтанное, или подтолкнул? Упражнения с телепатическим «ресивером» восприятия утомляли, но, однако, считал такое умение важным для исполнения «миссии». Почему-то...

Девушка снова прыснула. Он не смотрел, но чувствовал ее лицо, оно горячее, требующее поцелуев. Потом кожу... тонкий абрис ног под платьем. Сосредоточился. Сейчас она встанет.

Ползущий звук от сдвинутого стула.

— Ты куда? — голос парня избыточно задорный, с легкой толикой очарованного ею веселья. Ореол влюбленности.

Звук пощечины. Пауза и тишина. Постук каблуков.

В пространстве бара растворяется шелест «вентиляторных ленточек» детства.

— Прости… что я сделал?!

Ползущий звук по кафелю… Шаги. Темнота.

Грегор открыл глаза.

Вакцина Тросборга — она сделала с ним именно это. Но побочный эффект, который не скроешь от самого себя, постоянно лакая алкоголь, запивая им транквилизатор или сильное обезболивающее… такова расплата за триумф.

Но Грегор не жалел. Теперь он будет на вершине мира. Теперь он — правитель галактики! Теперь, будет только так, как хочет он.

Когда же Сайлоси уже всходил по трапу, ведущему внутрь огромного лайнера, он внимательно посмотрел на сияющие жизнью огни космопорта, а потом на отлетающий от звездолета полиробус, что доставил пассажиров на высокий разлет левого крыла стартовой площадки. А потом вошел внутрь, сквозь широкий пролет посадочного отсека. И уже в своем, чересчур вместительном кресле, отделенном от других на расстояние вытянутой руки, он позволил себе расслабиться. Но внутреннее напряжение все равно оставалось, от него невозможно было уйти никак, потому что в его организме постоянная вибрация нервных клеток, давно уже неотъемлемая часть его отвергнутого от самой Жизни существования. Они дрожали особым росчерком природной фатальности, будто выжимая из себя весь потенциал сокрушительной силы созидания и тут же разрушения, роста в неколебимость, что единовременно сменяется сползанием в ничто. Иногда он чувствовал пустоту (космоса?)… некую странную пустоту, которая поглощала и смерть. И такое невероятное переживание в самих глубинах его человеческой природы — уже по факту такового, делало его «богом». Мифологией не увлекался. Для него «бог» это значение неизмеримости. Ощущая себя сращенным с этой бестелесной нежитью в самом себе, коя тут же становилась мерилом высшего порядка жизни.

Он отвлекся на шум. Некая благовидная дама, уже в летах и, видимо, с непоколебимой достоверностью знающая себе цену, с надменной циничностью отчитывала за что-то стюардессу. Несколько человек в разных концах пассажирского отсека сектора «А», в котором располагался Сайлоси, и который был смежным с центральной рубкой управления (нужно было подняться на лифтовом телепорте на верхний ярус, площадка подъемника находилась сразу за отсеком), тоже, как и он повернулись, чтобы посмотреть. Сайлоси оглядел

молоденькую работницу Космопротериуса «Галактик Инком-Интер-Корпорейтед», один из пассажирских звездолетов которого уже очень скоро доставит его в мир его грез, в слияние болезненной мечты и существующей действительности. Немного отстраненно скользнув взглядом по стройной фигуре девушки, облаченной в форменный стилевой комбинезон голубовато-серого цвета, он слегка отстранился от чрезмерно утопившей его в себе спинки кресла, и сделал рукой движение в сторону потрясавшей тишину салона пары.

— Простите, — он обращался к стюардессе, — можно вас на минуту.

Он мог бы сделать это сам, но для этого пришлось бы вставать и идти в самый конец отсека, где располагался мини-бар.

Тирада оборвалась и знойная дама, сверкая, видимо, платиновой в позолоте оправой довольно изящных очков, на которых отражалось мягкое свечение плафонов салона, уничтожающе посмотрела на него. В обществе шла борьба за стиль, на весах панорамного вида всей цивилизации покачивались очки в оправе, и контактные «линзы», что вживлялись непосредственно в зрительный нерв. Зрение можно было восстановить и без сего, но трансимплант киберoида обеспечивал «фон-коммуникацию» с любой точкой галактической модели сообщающихся миров. И, возможно, глядя в упор на Сайлоси, дама сейчас искала его данные по инфобазам, чтобы знать наверняка, что «этот тип» не из отдела координации, то есть, можно не робеть, и высказаться на его счет вполне по-свойски, не стесняясь в выражениях. Он это также почувствовал, но не стал отвечать даме взглядом. Скоро все закончится. Какая разница.

Чуть кивнув, девушка сделала слегка неуверенное движение по направлению к Сайлоси, тихо сказав своей темпераментной собеседнице, то ли «простите», то ли «просите» — Сайлоси не расслышал. Она подошла к нему и чуть склонилась у кресла, слегка улыбаясь, но было видно, что сейчас ей это удается несколько с трудом. Она по-дружески, участливо кивнула ему, поправляя у лица волосы и все улыбаясь.

— Пожалуйста, я вас слушаю... — посмотрела на него своими ясными голубыми глазами, в которых все еще сквозила растерянность.

Он хотел уже было ей сказать, что ему нужно, как с прохода донесся потрясающий пространство окружающего спокойствия истерично напыщенный возглас.

— Какая безалаберность! Вы ответите за ваше неуважительное отношение. Я не оставлю этого так, вот посмóтрите...

Дама явно слегка потерялась в сложившейся ситуации — у нее только что отняли интересную игрушку «разбери сам»... Очки угрожающе поблескивали металлом и диковато возмущенным взглядом, в котором с трудом угадывались зачатки интеллектуальной деятельности. Сайлоси тронул девушку чуть повыше локтя и оторвав оценивающий взгляд от строптивой дамы, посмотрел в глаза стюардессе.

— Не обращайте внимания. Мне нужно запить таблетки. Будьте добры, какой-нибудь тоник.

Девушка кивнула и еще раз улыбнулась.

— Я принесу вам сейчас.

Дама уселась в свое кресло, а Сайлоси заодно подумал, что «Амброзия-9000» самое лучшее место для подобных особ. Про девушку он не подумал, хотя в общем-то мог бы, но... Восемнадцать или девятнадцать лет назад его кровь может быть и могла бы горячо взбурлить при виде этих небесно-голубых и чутких к окружающим глаз. Но его кровь вскипеть не могла.

У Сайлоси не было крови.

По его жилам вязко текла кислотно-термическая субстанция, которая постоянно разогревала его тело до температуры, при которой сворачивается белок, но этого не происходило из-за структурных изменений в самом гипофизе (по всей видимости так, хотя доподлинно этого не знал в свое время даже сам Эдвард Тросборг). Перегрева он не ощущал, клетки охлаждались кристаллическими телами, кои вырабатывали, и природа, как он понимал, до такого не смогла бы «додуматься». Впрочем, Грегор уважал природу. Иногда споря с ней, наедине, будто разговаривал с домашним псом, что бессловесен. И природа ему отвечала. Однажды, во время «беседы», то было осенью, пожелтевший лист влепился ему в лицо. Рядом не было деревьев, и он удивился. А потом понял, что то был ответ на его рекультативные упреки силам мироздания, который он понял как «степень вынужденного молчания», ведь листок перекрыл часть рта. Убрав этот фамильярный образчик невоспитанности высших созидательных сил, он погрозил горизонту пальцем.

Когда девушка подавала ему высокий фужер с напитком, Сайлоси обратил внимание на утонченные линии ее рук. Грация совершенства и красоты. Наверное, подумалось ему, эти руки умеют доставлять максимум наслаждения. Жаль, что ей придется умереть. Но, с другой стороны, со всеми нами рано или поздно нечто подобное случится. Такова жизнь, и он полностью отдавал себе в этом отчет. Но прежде чем это случится, он, Сайлоси Грегор Бертрамус, возьмет

от этой жизни все по полной программе. Как и рассчитывал. Расчет? По всей видимости, удался.

Запивая транквилизатор тоником, Сайлоси, почему-то вспомнилось, как его называли в детстве. Волотомавр... Возможно, из-за огромного стремления к самоутверждению.

Он откинулся на спинку сидения и нащупав правой рукой кнопку регулятора положения своего кресла, мягко опустился назад-вниз, внимательно, но все же, как-то отстраненно поймав взглядом вдавленные в высокий потолок салона осветительные плафоны. Он прикрыл глаза, не желая смотреть на свет, и еще больше расслабился, погружаясь в пульсирующую волнами, и растекающуюся по лицу, горячую боль. Транквилизатор уже начал действовать, но как бы там ни было, боль мало беспокоила его. Он к ней давно привык, потому что человек может свыкнуться со всем, практически с чем угодно... Со смертью? Тем более!

«Фактуальная философия» его зрелого воззрения на действительность. Он вел записи размышлений, полагая, что когда-нибудь это пригодится миру, и уже позже понял, что дело не в пользе, а в значении. Только значение имеет смысл, польза же... даже не вторична, она просто «лишняя», и мешает постижению истинного блага. Которое не в том, чтобы искать умиротворения в нюансах житейских догм, а только в том, чтоб охватом обратить сущее в ноль, и из нуля сего... получить новое начало, которое и не новое: оно было здесь всегда, только незримо, спрятано слепотой природы. И он нашел: точку отсчета. Никто, не Тросборг, ни другие... именно он.

Что-то легко коснулось его плеча и приоткрыв веки, Сайлоси увидел смотрящие на него голубые глаза, в которые, казалось было погружено все небо мира, того самого, который он навсегда оставляет. Правильные черты лица, чуть волнистые волосы, что необходимо постоянно поправлять; утонченная выразительность линий, коснувшейся его руки...

— Мы стартуем через пять минут, — она дружески (ему почудилось, почти, заговорчески) улыбнулась, но было в этой улыбке нечто и вопросительное, что обычно никогда не разгадаешь в таинственной женской натуре. Однако, Сайлоси знал, отчего этот вопрос... Она просто хочет жить; жить упоением и страстью, мгновение за мгновением восторженно впитывая в свою чувственность ощущение насыщенности радостным шумом и невероятно ярким фейерверком самой жизни.

— Будет лучше, если вы пристегнетесь, а то, знаете сами, при взлете сильно трясет...

Она еще раз участливо посмотрела ему в глаза и отстранившись, повернулась, идя дальше по широкому проходу, то и дело осматривая пассажиров. Сайлоси снова закрыл глаза, а чуть позже, он опустил правую руку за кресло и ощутил подушечками пальцев безразличный холод металла кейса.

«Так будет» — вскользь подумал он, — «расчет верный, нет сомнений».

Его кресло дрогнуло, впитывая вибрацию всего корпуса огромного звездолета. Первый толчок... Он вытянул из-под основания подлокотника лямку тугого ретикулярного ремня, изгибчатого магнитообразующими пластинами, что вбирают избыток сотрясения — охватом, и защелкнул его контактный стержень в массивном замке у себя между ног, почти под днищем сидения, потом проделал ту же операцию со вторым ремнем. И, делая это, он уже будто ускользал куда-то вглубь своего накаленного сплошным нервным трепетом организма, погружался постепенно в дремотное состояние.

Кресло снова дрогнуло. Второй толчок. Сквозь закрытые веки он ощутил, как в салоне убавился свет.

«Проверяют пульсацию криозонного поля», — уже почти из сна заключил Сайлоси. — «Криозонное поле... какая нелепость!».

Его левая бровь нервно вздрогнула и он слегка шевельнул головой, лежащей на мягком взлете массивной спинки кресла. Считалось, что эта спинка может защитить организм от вибрационного удара, если, например, звездолет, пожирающий пространство с субсветовой скоростью, случайно встретит на своей траектории пылевую массу.

«Вот именно!» — продолжал свой немой диалог с пустотой Сайлоси. — «материальный мир так уязвим, так зыбок. Полнейшая фекальная непреемственность...». В своей насыщенной интеллектуальным поиском юности он выразил бы просто: «дерьмо».

Материя изначально ущербна, думал он, медленно развивая общую для себя тему. Материальная вселенная... микромир бесконечен... энергия затяжения в нуль-пространство... РАСЧЕТЫ... Все правильны...

Он глубоко и часто задышал, потом, вдруг, резко открыл глаза, метнувшись остро настороженным взглядом по рельефному потолку с тускло светящими полосами плафонов и прислушался. Затишье и спокойствие салона его удивило. Никакой вибрации уже не ощущалось... — значит звездолет в пространстве и набирает скорость до критической.

— Нельзя спать, — тихо прошептал Сайлоси и нахмурился, скорее на самого себя. Транквилизатор... Он просто расслабился, потому что слегка отпустила боль, ее пульсирующая секущим жаром навязчивость.

«Просто быть собой» — еще подумал он,

(это значит, не отступать...)

а потом, как-то недоуменно приподнял брови, будто удивляясь этой мысли. Разумеется, абсурд. Он всегда был собой. Даже тогда, когда его интеллектуальные возможности возросли в пятнадцать раз. Мощь разума, которая породила... «Безумие»? Он бы не стал определять это именно так, даже если и условно. Он всего лишь ученый, который смог увидеть то, что видеть просто невозможно. Многие пытались, но у них были свои цели, свои стремления. Они сделали попытку и погибли, когда гипофиз начал буквально «дышать» каждой своей клеткой, генетически врастая в мутационный транс.

Гипофиз Сайлоса... Трансмутация функций. В том числе жизненно важных, и именно поэтому непереставаемая пытка. Тело постоянно самовосстанавливается и вибрирует в каждой клетке. Но это все частности. Потому что тело — не нужно. Сайлоси пришел именно к этому.

Он опустил правую руку за кресло, и достав кейс из специального углубления для малообъемного багажа, положил его себе на колени, а уже только потом, нащупав той же рукой регулятор, восстановил нормальное сидячее положение.

Ощутимо чувствовалось растущее ускорение.

Когда «Амброзия-9000» совершит резкий прыжок в предпространство, устройство должно работать.

Сайлоси щелкнул замком и почти благоговейно открыл кейс. Его глаза вспыхнули торжественной искоркой и чуть сильней расширились. Он сморщил лоб.

Звездолет все набирал скорость, и Сайлоси очень ярко представил, как его продолговатый, местами изогнутый корпус, вливается в пустоту пространства, все больше и больше замедляя протяженность времени внутри себя, в одну секунду которого сквозь просачиваются и остаются позади миллионы и миллионы километров.

Сайлоси включил устройство и посмотрел на осветившийся экран, в объемной глубине которого возникла графическая проекция пространственного вектора, который уже был искривлен и продолжал очень медленно выгибаться в

прокрустике биполярной призрачной сферы пространственно-временного континуума. Внизу экрана вращался трехмерный график, показывающий интенсивность текучести пространства, сквозь временную протуберацию настоящей действительности.

(«Давайте сыграем в Волотомавра» — сказала Льюси.

«Как это — в Волотомавра...» — недоумевает пятилетний Кларк и усердно делает вид, что занят исследованием своего правого глаза на прочность. Он просто усиленно трет его своим крохотным кулачком.

Льюси зачем-то смеется и хлопает себе ладошками по коленкам, чуть приседая и слегка встряхивая аккуратное каре белоснежных волос... Такие волосы! Все на них удивляются.

— Нужно просто бегать вокруг Сайлоси! — Счастливо объявляет она и, видимо, собирается привести в исполнение свою столь оригинальную идею.

Все зачем-то смеются и даже Кларк перестает мучить свой глаз.

— В Волотомавра!..

И тут Сайлоси, четырехлетний малыш Сайлоси, слышит свой дикий, как рев нарастающего урагана крик...

— Я НЕ ХОЧУ!!!

...И крик еще беснуется в нем, когда он бессильно и подавленно садится на корточки, чтобы никто не увидел, как намокают его короткие штанишки из вельветона. И в исступлении закрывает глаза, пряча от самого себя ненавистный ему мир.

— Фу-у, плакса, да еще наверное и обмочился!

Он не может видеть что делает Льюси, но то, что он чувствует по отношению к ней, его рассудок не может воспринять правильно. Ему хотелось бы ее наказать, но так, чтобы она больше никогда не жила...

— Мы не будем играть в Волотомавра, потому что он ПЛАКСА. И обмочился, наверняка... Тьфу!

Сайлоси рыдает и икая глотает слезы. Соленая и влажная неизбежность его детства...)

Пространственный вектор скоро должен замкнуться в критической точке изгиба. Когда «Амброзия-9000» достигнет максимального ускорения для того, чтобы совершить прыжок в предпространство, время в точке замыкания остановится полностью, потому что его устройство в этот момент создаст противовес пространственному вектору, который начнет стремиться не к искривлению в самом себе, а к состоянию своей протяженности в абсолютный ноль. В точке искривления вектора возникнет безпространственный, но временной континуум, а любая точка пространства есть само это пространство, потому что вселенная бесконечна.

И тогда в точке искривления пространственно-временного вектора, что есть натяжение или мерность пространственной сферы, которая бесконечна, возникнет нуль-пространство, имеющее протяженность во времени...

Сайлоси закрыл в экстазе глаза. Все расчеты верны. Неоспоримо.

Галактика, Вселенная целиком — нет разницы. Он будет на вершине. Он — победитель, который превзошел материю, ошибку Вечности, что создала грубые формы для существования; грубые ощущения, чувства... он превзошел природный исток всякого начала.

Его голова коснулась успокаивающей мягкости чуть выпуклой подголовной подушки кресла. Теперь только ждать. Остались минуты...

Мощный толчок. Звездолет вздрогнул.

Сайлоси резко открыл глаза и завороженно уткнулся лихорадочным взглядом в экран, перестав совсем дышать.

«Уходит... Уходит в предпространство!» — с замирающим ужасом ликовала каждая частичка его непонятого людьми «Я». Но то был именно что ликующий ужас, превосходящий знание и смерть. Открывающий для себя безмерное, будто шаг в пропасть, но тут же постижение того, что падения не случится, подхватит ветер блуждающий мрачно посреди вершин, катающийся на облаках, кои как неохватный зрением ковер неба. И вот пропасть. И возвышение... в космическую бездну. Но там уже другая природа. Измененная побуждением быть более истоковой причины.

«Протуберация... Есть!» — он нервно сглотнул, выпячивая глаза так, что стало больно смотреть.

А потом произошло то, чего могло и не произойти.

Он четко представил себе, как вокруг продолговатого корпуса звездолета, нацеленного своим тупым рылом в пустоту пространственную, утопленную в охват бесконечности, искусственно создается протуберация натяженности, чтобы защитить космического странника, несущего в своем чреве тысячи жизней, от абсолютного разрушения, когда впереди, по ходу сплюснутого в субсветовой коллапс движения, возникнет предпространственная воронка, созданная импульсным инвертором временно́го потока; инвертором, который схлестывает пространство... ассимилируя волновую энергию движения с энергией временного векториального поля. Принцип волнового скачка в гравитационной стяжке противовесов галактического фона... был открыт тысячи лет тому назад. Это была ретикулярная норма цивилизованности, и даже пятилетние дети знали что такое «гравитон Палмерса», ученого открывшего «скачок». Дети могли, что называется, на пальцах объяснить как работает перевес тяги, что толкает космолет в предельный пограничный «кубroид остатка», дальше начинается зона «гравитационного горизонта», дальше космическая машина внедряет себя в «расщелину бездны», но происходит лишь перескок и трансплексия, то есть, утряска волны скачка: космолет выравнивается, будучи уже, пространственно, в сотнях и тысячах парсек от точки разбега и «аффертации», что по-научному и означало бросок сквозь гравитационную призму галактического разбега массы. И хоть термин научный, дети его произносили так же легко как свое имя.

И пространство схлестнулось.

А Сайлоси сидел и смотрел, совершенно недвижимый, с застывшим взглядом, будто впал в необратимый транс, практически ничего не ощущая, не чувствуя, но зная уже, что превзошел Саму Жизнь.

ПРЕВЗОШЕЛ СМЕРТЬ!!!

Материя изменялась в иллюзию, сползая сама в себя по ходу натяженности и вытянутости самого пространства, что утекало в безотносительность, заворачиваясь в сжатую спираль вокруг момента времени.

Все менялось.

Материю будто сдувало и уносило в Абсолютную неизмеримость Не-созданности.

Сайлоси растекся по креслу, которого уже не было, ликующим танцем ощущения смерти, которая и есть жизнь. Как же четко теперь он понимал это!

Он увидел траекторию не-полета и то [время], в которое стремилась «Амброзия-9000». Он увидел промир ПсиГалактики и конкретное про-время назначения.

Он увидел новую Вселенную.

Ему хотелось плакать от счастья, но из чувств воссияли только его ощущения момента, то есть всей вселенной, как она есть.

Потому что пространства больше не было. Без-пространственно-временной континуум. Время стало «пространством»! — расходясь во все точки слияния.

Она возникла возле него, как возникает луч солнца, пробившийся из-за туч.

(Мы уже вхождяемся и обратно скоро притупим в точке стыка Бетельгейзе...)

Сайлоси прозрел в нее.

Голубогла... Нет. Просто СИЯНИЕ.

Она прочувствовалась ему своим восторгом быть для него постоянно.

(«Вот теперь все как нужно и важно») — спроецировал Сайлоси.

Она опять, но [еще] воссияла.

Боли больше не было.

(Что нужно, любимый?)

И исчезла через проход, но в обратном направлении.

Сайлоси погрузился в себя на неопределенность, поточно зная, что необходимо не знать.

Они ничего не почувствовали, ничего не помнят... Все существа, во всей вселенной...

У него начали медленно проворачиваться в одной и той же мысли зырклы. Теоретически он рассчитывал, что так и будет...

ОНИ НЕ ПОМНЯТ САМИ СЕБЯ!!!

Ужас вскипел в его плоско сверкающем теле, что было невесомее самого себя.

Они не помнят, не знают что произошло и не узнают никогда, всю вечность, которая теперь навечно их.

Сайлоси вытек сугубо ввысь из не-кресла и возник через не-время в мини-баре отсека «А». Ему просто хотелось пить. Ему было жарко от пульсирующих волн восторга. Поэтому он спроецировал себя на не-ощущение жажды и вернулся

обратно. Скоро будет слияние с пситочкой. Бетельгейзе... промир его грез, сверкание временных потоков, как радуга времени, по которому вращается сейчас «Амброзия-9000».

Они просто СПЯТ...

И будут спать Вечность.

А он...

Сайлоси грустно погрузился в свой псифактор.

(«Я осознаю себя, вот в чем штука-то!») — потом он спроецировал плоскосверкающую конечность во время вперед, чтобы выразить этим свое сожаление.

Время теперь существует без пространства, а иначе, пространство и есть время. Или наоборот?

(«Они не знают кто они — я знаю»).

Началось оживление.

То и дело, во время Сайлоса просачивались плоско светящиеся тела пассажиров «Амброзии».

Скоро слияние.

А Я? ПРАВИТЕЛЬ ВСЕЛЕННОЙ!

Почему это так?

Я знаю — всегда, бесповоротно, до конца безликой Вечности, всего лишь только знаю одно... Я ЗНАЮ, КТО Я ЕСТЬ...

— Эй, кто-нибудь! Кажется, человеку плохо!!

В проходе образуется пробка. Голубоглазая стюардесса, уже бежит, один раз спотыкаясь, но удерживая равновесие, врезаясь потом в заполнивших проход, степенно и медленно двигающихся к выходу пассажиров, слегка расталкивая их, угрем пробирается сквозь щели меж тел, и растолкав последнюю живую баррикаду, учащенно дыша, склоняется, наконец, над сидящим в мягком космическом кресле.

Потом она удивленно поднимает голову и оглядывает стоящих рядом, чьи лица зависли над центром возникшего сиюминутного общего интереса.

— Боже, что с ним?!

Пассажир номер четыре тысячи двести тридцать восемь, вцепившись руками с побелевшими от напряжения пальцами в свой полуоткрытый кейс, до не естественности идеально выпрямив спину, без кровинки в лице, с расширенными и округленными глазами, в которых застыл не то ужас, не то восторг (сразу и не разберешь), закоченело сидел и смотрел в какую-то, видимо, доступную только ему одному точку.

— Как мумия, прямо.

Молоденькая стюардесса крайне озабоченно посмотрела на сказавшего это. Довольно полноватый мужчина средних лет грустно вздохнул, отвечая ее взгляду.

— Наглотался своих таблеток! От этих [наркоманов] проходу нет!!!

(Она сказала «наркофуйзеров», — почти молодежное течение инженерных испытателей фазопрокрустики гипофиза. «Шизанутики», по мнению наиболее глубокомысленных представителей общественности).

Очки в позолоченной оправе мягко сверкают, то ли отражая свет салонных плафонов, то ли кристаллизуя в призме своих линз яростно триумфальный взгляд экспансивной дамы. Сразу и не разберешь.

Хотя… дело, видимо, не в линзах.

Сидящий шевельнулся.

Его губы пару раз вздрогнули, очень слабо и едва заметно — он будто силился что-то сказать вслух. Девушка наклонилась еще ниже. Может она услышит его внутренний истошный вопль? Ее рука поправляет соскользнувший к щеке локон дивных волос. Ее внимание предельно: если он скажет что с ним, ему можно будет помочь.

Единственное слово, которое сказал Сайлоси Грегор в последствии, звучало как нечто похожее на звук рвущейся туалетной бумаги; однако, лечащий врач в одной не очень устроенной психиатрической клинике, что на самом краю системы Бетельгейзе, определил его как «ошибка». Оно прошелестело с внутренним надрывом и тихой ненавистью. Глаза, как прежде — ничего не выражали.

В журнале регистрации напротив имени Сайлоси стояло, в принципе, вполне обыкновенное и мало кого способное удивить: «синдром гения».

И как только эти врачи с Бетельгейзе смогли понять его сложную натуру?

Знают же свое дело... и редко ошибаются.

После сказанного Сайлоси замолчал до конца своей уже недолгой жизни. Иногда по его бледноватым щекам текли медленные слезы, что капали с подбородка прямо на сложенные у пупа и поджатые руки, что стискивают то... ли сами себя, то... ли невидимое нечто, что как-то обозримо только для спятившего ученого.

А может он плачет по другой причине? Кто знает...

Вдруг, он понял, наконец, что ПРАВИЛЬНО воспринимать пространство, что стало временем, способен только он один?! А для всех остальных внешне ничего не изменилось... изменилось только в самой сути, в самом корне, в самой глубинной точке соприкосновения с природой, что вывернулась наизнанку в самом принципе своего устроения и гармонии.

Все бы плакали, понимая это.

Как же странно все-таки устроен мир! И как закономерно естество реальности, которой нет...

И вот, есть Сайлоси Грегор, тихий умалишенный в небольшой клинике на краю далекой звездной системы, куда не прилетит ни Кларк, ни тем более Льюси, и они никогда не сыграют в волотомавра, они ни за что не станут прыгать вокруг застывшего мумией Сайлоси, потому что во времени Бертрамуса нет ни детства, ни настоящего, и даже нет будущего. Нет также и лечащего врача-приставалы, который пытается спросить у него в чем смысл жизни, высчитывая свои психиатрические алгоритмы тестирования.

А Сайлоси не знает. Он никогда не думал о смысле. Он думал о материи, о том, как ее преобразовать в тончайший энергетический эквивалент грубой субстанции. И что же изменилось? Он затрудняется ответить. Материя не изменилась внешне. Для них. Для остальных, которые другие, которые — не он. А что же он сам? Видит этот энергетический эквивалент не по форме, а по внутреннему содержанию? С изнанки? ЧТО С НИМ ПРОИЗОШЛО?! Почему он обречен на всю вечность воспринимать жизнь вне ее оптимального естества?

Он вне вселенной? В самой своей сути...

Что же ты сделал с собой, Сайлоси Грегор, ученый и мечтатель? Изменил ли ты основополагающий Закон устроения всемирной гармонии? Когда «Амброзия-9000» входила в свернутое пространство, ты включил свой прибор, свой безумный агрегат, который соединил на стыке перехода балансовую природную точку, что совмещает свет со тьмой... жизнь со смертью... природу с не природой... совместил ее с началом той бесконечности, которую олицетворяет собой пространство. И ты один, один единственный остался так же материален как и раньше. Это они, снующие вокруг тебя плоскими телами из блуждающего во временном поле света стали не субстанционны, но как и раньше системны, сплочены в утонченных и энергетически гладких телах, которых не коснуться физически... Ты один из всех застрял в грубом измерении ненавистной тебе вселенной. Потому что ты и явился той самой исходной точкой, которая ранее принадлежала природе. Той самой опорной точкой, которая необходима чтобы сдвинуть мир. Мир сдвинулся. Ты — замер. Прости Сайлоси этих людей. Они держат тебя в уединенной палате, задавая никчемные вопросы и ожидая ответа, не в силах признаться самим себе в своей же никчемушности. Прости им свою боль, свое страдание. Ты был больше жизни. Больше смерти. Больше идеи. Они никогда не умрут. Отныне, их тонкие тела, — это универсум самодостаточности существования, потому что движение происходит не из времени в пространство, а наоборот, из пространства во ВРЕМЯ...

Все изменилось.

Ты умрешь.

Осталось недолго. Но ты должен держать в себе волей и стиснутыми зубами истерический порыв отчаяния. Так нужно, Грегор. Это — твоя правда. Твоя немощь и величие.

Твой Смысл.

Космопорт был похож на гудящий улей. Трансгалактические стрейжеры возвращались из дальних рейсов и плавно опускались на посадочные круги площадок. Их строй уходил к горизонту. Над облаками синело небо. В космической пустоши стыло солнце. Конфускальные установки энергогенераторов потрясали пространство гулкой вибрацией стренжекторных механизмов квантовых субстроидов септеции «космического ветра». Солнце было лишним. Земля давно обходилась без него. И планеты Содружества, рассеянные по галактике. Мир дышал двухсотым тысячелетием от Р.Х.

Но что же изменилось в Вечности?

***

— Соната Времени… Ты любишь Сонату Времени, — спросила она, погружая лицо в ветерок идущий от равнины Омикронов, которая распространялась так далеко, так широко, что, казалось, заполняла собой все пространство планеты. От балюстрады до поверхности было метров пять, но они не ощущались, скраденные этой невероятной пустошью, навевающей, но пожалуй только иногда, призраки космического одиночества и меланхолии, и тени обоих спутников скоро лягут на равнину, но ночи не будет, потому что странный эффект отражения от двойной звезды Эгма"маториус-197-Пикус не позволит ночи быть… Оба спутника что-то делают то ли своей обоюдной гравитацией, то ли причина в чем-то ином, но вместо тьмы будут тени… и они лягут тут, куда хватает глаз, и будут лежать. Великими пятнами потусторонней иллюзии, что ночь никогда не закончится. Она всего лишь биолог экспедиции и ей так виделось. Феерично.

Она отняла ладонь от перил и слегка повернулась в зал, обратившись к нему. Ее брови чуть приподнялись, как будто он мог видеть это движение ее естественного порыва смеха. Комплекс планетной станции занимал небольшую площадь, но ей она могла бы показаться огромной, если бы… если бы не равнина… впрочем, хватит об этом. Она совсем повернулась и шагнула в направлении залы, просочившись сквозь проход едва ощутимым шуршанием длинного платья, что полами шелковой ткани забавлялось танцем ее легких шагов. Пройдя как великолепная статуя «каменного гостя», вернувшегося в свои покои несколько запоздало и неспешно. Но решительно и грациозно. И немножечко страшно.

Потому что скоро ночь покроет все тут тенями с неба. И будет странно одиноко в лучах призрачной тьмы. И захочется слагать песни. И выдумывать новую музыку.

Стереоприсутствие Мало померкло. Он уже обсудил с ней все детали прибытия комплектов оборудования, и пояснил на счет новшеств лабораторно-инженерной репластии: им следовало кое-что переделать в Акустракторах, размещенных по всей планете точечных сканеров-анализаторов гравитационной аномалии.

Что делать биологу на Эгме? Странный вопрос, ведь здесь обнаружены микроорганизмы. На пустой планете, когда еще не было атмосферы в которой можно дышать полноценно самым настоящим воздухом.

Она почти подбежала к пульту, и как бабочка садится на цветок, увековечила себя моментом собственной интриги в позе наблюдателя: экран трехмерной экстракции наполнился последними данными переданными Мало. Структурная модель равнины во всю ширь и глубину и высоту и... всю планомерность — будто одиноким великолепным айсбергом плавно колебалась в трехмерной реальности стерео передачи с другой стороны планеты, где и находился Мало. Космический инженер Мало. Она улыбнулась каким-то своим мыслям. Это не важно. Это будет, возможно, завтра, когда он прибудет за образцами. И она ему скажет нечто важное. Да... она улыбнулась еще шире и ее улыбка стала даже немного не естественной, впрочем, никто ее видеть в данный момент не мог, абонент отключился от связи.

Ветер гулял по равнине. Он шелестел временем, перемешивая его с песками. И достигая неба. Наверно. Потому что небо было так близко. Космос. И века исследований... прошлые... и еще предстоящие. И жизнь — как пламень всех солнц.

2003...2020

ИП

«Причудливое, но не странное»

~~~~~~~~~~~~~~~~~

Главный инспектор плеофакса Мнеазильной республики трениазитов.

И...

«Плеофакс плеофаксу рознь и пусть», — народная мудрость мрахкуазонов.

Плеофакс — дрянь, но перевод не точный.
~~~~~~~~~~~~~~~~~

Многотычковый тащил плазмодатчик. На бугристой физиономии печаталось страдальческое выражение, потому что плазмодатчик был тяжел и громыхал по полу — Многотычковый не нашел в ангаре тележки, пришлось волочь. Датчик подпрыгивал особенно на переходах между отсеками, как болезненно казалось, датчик был невыносим. Но нужно было дотащить этот инженерный хлам до реактора, чтобы проверить радиовпуклость. Многотычковый был уверен, что датчик просто хлам. Инженерный. Потому что впазопоточная инженерия Мрахкуазы (планетарной системы Уббриадура-сто семнадцать) всегда была сама хламом. Он так считал. Но, поскольку, ничего другого для проверки радиовпуклости на борту не было, то Многотычковый сейчас мучался от этого плазмоустройства для наблюдения за рефпетициями.

Вот и главный отсек, отсюда идет ответвление на помещение с реактором, который давал кораблю энергию. Но час назад Многотычкового выбросило из сна настойчивым сигналом автоматического контроля: интеллект корабля (тоже инженерный) объявил, что реактор, видимо, сдох. Интеллект не был уверен на сто процентов, но надо было убедиться. В любом случае. Даже если бы интеллект был уверен на сто процентов. Потому что он инженерный.

Подавив зевоту (пришлось нервно сжать дыропротяжные челюсти) Многотычковый (его звали на самом деле Ийврухах Посион, но можно просто Ийврухах), Ийврухах потер друг о дружку ватные концы. Размяв таким образом себя, он похлопал для окончательной убежденности в бодрячке себя по уховидным отверстиям. В голове загудело: присосочные шлепки-удары очень расслабляли и опасаясь снова уснуть, ИП* (иногда его звали и так) спозиционировался с кресла-держалки к полу. Плюхнувшись на зад и некоторое время застенчиво амортизируя, ИП раздумывал о случившемся. Корабль-баржа Трениазитской Колонии, опервахтовым которого он был назначен, доставлял в настоящее время на планету Мамурая груз особой важности — это были цветы Крауфикуса с планеты Буручьяфуби. Совершенно тупое и издевательское над тонким произношением название планеты вызывало тошнотворное чувство. Пытаясь с ним справиться, ИП занялся вихляющей медитацией и уснул. Вихляющая медитация часто применялась в особо экстренных случаях для возврата сознания в состояние Ай-Кью, что значит, АйбстрайКью. Но что это значило в достоверности знали только Вивихлобы — самые умные существа в галактике, которые придумали медитацию для возврата в сознание при экстренных обстоятельствах. Одним из таких обстоятельств ИП посчитал вторжение в его сознание образа планеты, вернее, связанного с ней названия: Буручьяфуби. Это произошло когда он принимал груз на промежуточной базе Иглопланетчиков; Иглопланетчики заведуют в галактике строительным мусором и вихлясами, то есть мнемуторгами абсурдоции (что такое вихлясы никто толком

не знает и Иглопланетчики очень важничают по этому поводу, не желая никому толком разъяснить что это, однако, всегалактическое общество не сильно этим обеспокоено, поскольку Иглопланетчики часто задирают нос без повода: может и в случае вихлясов данное обстоятельство не столь уж важно? все так и думали).

Итак, ИП увидел в сопроводительном ордере название груза, а так же название планеты. Его это взбесило. Дело в том, что он встречался с этим названием уже вторично за смену и посчитал это некоторым передозированием тонкого восприятия Мнеафуры. Что такое Мнеафура объяснять не посвященному сложно, но основная суть в том, что когда вам кажется, что вы в плейссоне — значит, вы в некотором роде находитесь.

Что значит «находиться»? Это значит, быть близ Мнеафуры.

(Да, вы наверняка не поймете, нужно посвятиться).

Цветы стереофонили. ИП это понял когда груз в банкумерах перетаскивали на борт. Он спросил у ближайшего трансблокрейдера:

— Это цветы Крауфикуса? — чтобы дополнительно убедиться, так как грузы иногда путают. Но оказалось, что он обращается к сизпиздателю: это биотехническое подобие рувертов (общее название галактического вида симметриалов). Итак, он обратился к роботу с важным вопросом, а обращение к роботу с важным вопросом это нарушение сиккотного кодекса обращений, в котором сказано, то есть, прописано внеазильным по буркетному, что (дословно) «обращение к сизпиздателю, который является как известно не более чем биотехническим подобием руверта, должно сопровождаться продолжительно-сиплым вдохом, поскольку это настраивает биопода на принятие команды». А он мало того не сопровождал обращение свое продолжительно-сиплым вдохом, чтобы настроить сизпиздателя на принятие команды, а еще задал ему важный вопрос. Что такое Важный Вопрос? Это есть то, что соответствует Мнеафуре.

Итак, ИП совсем расстроился. И не получив ответа на свой вопрос (сизпиздатель его проигнорировал, потому что не было надлежащего вздоха), он направился в свою рубку и занялся вихляющей медитацией. Корабль был полностью автоматический и стартовал сам. Так прошел год.

Возвращаемся к плазмодатчику. ИП был вынужден его тащить к реактору и сопеть от негодования. Если бы рядом был биопод, то он воспринял бы сопение ИПа как настройку команды и принял бы на себя ношу. Но сизпиздатели

запрещались на борту трансвизионных кораблей, к классу которых относился корабль. А почему запрещались... согласно тому же кодексу, в котором сказано (про это).

Цветы стереофонили. Это вызывало головокружение. ИП подумал, что стерефонение цветов Крауфикуса не должно достигать его обоняния: они высушенные и упакованно-закрытые в банкумерах. Это просто невозможно, чтобы обоняние, даже столь тонкое как у ИПа могло что-то учуять. И он это понимал. Однако, так же был вынужден согласиться с тем, что скорее всего медитация возымела побочный эффект и у него обонятельная галлюцинация. Пришлось еще раз (сипотно) вздохнуть и смириться с этим. Просто выкинуть из бриадуты (нижней части основного головного отдела, который часто находился в районе пупочной версии тела). Тела симметриалов вообще имеют очень интересную конструкцию: они симметриаличны. Они очень пластиковместоидные. Разумеется, для того, чтобы как следует представить симметриала, его следует увидеть.

Корабль стряхнуло. Он так и понял: стряхнуло в пазушную область... эксплексатория движения сместилась в нуль-ретронную плоскость галактического вуализма. Теперь датчик был ни к чему, ИП его бросил. Реактор вот-вот выпустит волновую плещину и уже не заботясь о грузе ему необходимо немедленно залечь в вибрационную камеру сна. Собственно, шлюп. Его выбросит в Потоки, а потом его подберет Патруль Иглопланетчиков. Дотащив израненное запахом Крауфикуса тело до камеры шлюпа он нервозно и хаотично принялся себя запаковывать в вибропулю, вместившись уже в самую внутренность камеры... и тут вспомнил, выпучивая память как можно более икспурлентно... что забыл в рубке свои чаксы. Он удрученно посмотрел на коридор: там, в его глубине был путь до рубки. Но реактор вот-вот выпустит волновую плещину. А чаксы не последние в галактике. Согласившись с этим доводом ИП окончательно вместился в вибропулю и застыл, считая сотрясения, которые исходили от всего корабля: он явно проваливался в пазуху нуль-ретронности. Это было жутко. Как такое могло произойти? Вот до чего может довести впазопоточная инженерия! И он всегда говорил, что это так: впазопоточная инженерия — величайший вред прогресса. Да, величайший! Он даже выступал с докладом в центральном зале Плеядочных Межсоврабиротранс... эге! еще как встряхнуло... как встряхн...

— О, звездная Мнеафура! — вскричал ИП и провалился окончательно в шлюп.

Галактика выглядела как обычно — в инженерный иллюминатор. Тьма «всасывала» в себя звездные светлячки пространств. И кружило между

россыпями нечто подобное. Что такое нечто подобное?

Это сразу когда все и тут же частично, но более чем между прочим.

ИП вздохнул. Инженерный иллюминатор наводил тоску.

Звезды бесили даже издали.

ИП погрузился в Мнеафуру и кончил.

Что такое «кончить»? Это значит начать наоборот. Противоинженерная логика собственного изобретения. Пока его не подобрали Иглопланетчики, ИП решил заняться вихляющей медитацией, а так же поразмышлять в Мнеафуре над смыслом не инженерного бытия. Больше опервахтовым он в космос не сунется. Потому что он не плеофакс какой-нибудь задрипанный, а знает где у Мнеафуры вихлясы. Он ведь продвинутый симметриал. Что он вообще забыл в космосе, когда у него диссертация по обскомпороидам не доделана? Он возмутился, но быстро утих и снова вошел в плавный медитативный поток мнеафурического видения Начал.

А… что такое «обскомпороиды»?

Это…

«Ничего не делать тоже дело не доделанное», — народная мудрость всех симметриалов.

---

* Инженерный Противовес.

Экспансия разума

I

Многомиллиардные города. Нескончаемое плато, похожее на инкрустированную серебряными сложно сплетенными нитями пластину микросхемы. Вид сверху. Смотреть можно только в центр — там дальше и по бокам видение расплывается в плотный искрящийся туман. Возникает ощущение, что этот мир бесконечен.

Мои глаза расширены, я чувствую это, но стараюсь не обращать на них внимание... На кого? То есть, на что? Собственные глаза... Двойственное ощущение, однако. Мои глаза и я сейчас совсем не одно и тоже. Они будто отделены от тела, от внутренней сущности. Они отражают вглубь меня НЕВЕРОЯТНОСТЬ.

Возможна ли такая реальность?

Этот мир кажется нескончаемым и невозможно понять, планета проскальзывает мистическим видением подо мной или нечто иное. Что-то подсказывает мне, что я сплю.

Ветер шумит в кронах. Лес. Слышу приглушенные стенания сойки. Я сижу на прибрежном булыжном камне, вода плещет на резину болотных сапог. Спиннинг окольцованным кончиком цепляет мелкую волну.

— Какого...

Я не хочу спугнуть рыбу. Я замолкаю.

Уснуть со снастью в руках... мне, опытному и заядлому рыболову! Часы показывают утро... но я проспал клев.

Смачный плевок летит навстречу рябой волне. «На чем свет» кляну эту таежную реку, давящий на мозги странным резонансом незнакомого чувства шум дубравы, солнце... природу. Потом разухабисто смеюсь. Шлепаю себя ладонью по коленке. Не знаю, почему это важно, но на этот раз я действительно выспался.

Но что-то все-таки не так; не как обычно.

Медленно собираю снаряжение. Вернусь сюда к вечеру. Жаль — выходной день не задался. И сын не захотел сегодня составить мне компанию. Да, знаю я, знаю... первая любовь. Точнее — первое чувственное впечатление. Вырос пацан. Мается. Для отца в юном сердце уже меньше места остается, так-то. Ну, это временно. Пережует момент — разберется что к чему. Вот только ныне в бок толкнуть некому было... Пустым возвращаться совсем уж не хочется.

А что делать?

Я встаю.

Волна плещется. И поднимается на уровень груди. Но не чувствую я ее. Только стою и ошалело, даже заморожено как-то, смотрю на эти чудеса. Сейчас

захлестнет же! Пытаюсь двигаться.

Я — рыба.

Я стекаю вместе с водой в колодец, у которого нет дна. Трансформация форм реальности. Я дышу пустотой, но не жабрами, а собственными глазами, которые опять — отдельно.

Чернь. Повсеместна и глубока. Этот мрак напичкан осколками древнего как сама Вселенная света. В одном из этих осколков притаилась Цель, которую пожирают мои ошалевшие и вспухающие глаза.

— Твое новое имя — Икос. Твое место среди однообразия и покоя. Ты избран Разумом для Экспансии.

Мои мысли отделяются друг от друга, когда я пытаюсь понять только что услышанное. Есть всего лишь одно законченное и глубокое, весомое ощущение — я двигаюсь с невероятной скоростью, но не в пространстве, а будто над ним, как скользит по волне сбиваемый ветром и монотонным плеском поплавок.

«Крепость Забвения».

Мысли цепляются друг за дружку, собираются в оголтелый хоровод. Приходит понимание, что только что мне объяснили куда я устремляюсь помимо своей воли. Это надолго. Это очень надолго. Может быть — навсегда, которое нескончаемо.

«Ты будешь жить, пока существует Время».

Меня мутит. Я не хочу. Больше времени — только Вечность.

Удар. Состыковка. Эффект лупы. Увеличение Центра в призматическом искривлении. Это подобие шара, которое выгнуто и выпукло одновременно. Глаза сливаются с моим орущим «Я». Сердце вонзается в прохладные тиски приемного и мертвого механизма.

«С прибытием, Икос».

Там, за всякими пределами есть Жизнь. Здесь есть покой. И я один. Недели тянутся как застрявший в жирной земле червяк, когда медленно и аккуратно тащишь его к себе; эту розовую ниточку рыбьего корма нельзя порвать — он нужен мне целым. Пальцы крючит судорога. Это невыносимо.

Отчетливо понимаю: я должен найти выход из крепости. Забвение мне ни к чему. Назвавший себя «Разумом» использует меня для каких-то своих низменных

целей. По другому не могу это определить. Что «им» даст мое заточение? Бесконечные коридоры… с дверьми, что раскрываются лишь от подъема руки рядом с ними. Эти двери почти сливаются с округлыми стенами. И за каждой — что-то новое.

Недавно я был в библиотеке. Масса самых обычных книг на родном мне языке. Высокохудожественные переплеты, твердые обложки; страницы… не рвутся.

Там мудрость. В этих книгах.

Но мне нужен ВЫХОД.

Я оглядываю долгим и тягучим взором тупик собственной жизни. То ли этот коридор закругляется, где-то незаметно смещаясь и состыковываясь со скрытыми в недрах крепости ходами-тоннелями, то ли он действительно нескончаем в обе стороны. Иду. Открываю двери легким взмахом одной руки. Уже позже, расставив руки, я просто держу их навесу, будто стараясь объять пространство; и двигаюсь, двигаюсь «вперед». Двери в неизвестность чавкают коридорной пустотой, растворяясь и смыкаясь тут же: я успеваю что-то углядеть. Иные миры… или только их искусственные панорамы.

Если мне жить больше Времени, я смогу еще вернуться к ним.

Но мне нужен выход отсюда.

И что-то внутри уже подсказывает сиплым и шамкающим шепотом, что скорее всего этим выходом будет утрата рассудка.

Что от меня нужно Тому, Кто назвался «Разумом»?

Я бродил так пять лет.

Когда силы истощались или назревал психоз, что-то плавно и ласково завлекало (или даже вталкивало) в одну из комнат и нечто, похожее формой на меня, но совсем не я… не такое как я, вернее… усаживало в удобное… мягкое, как кресло…но все-таки какое-то иное приспособление для отдыха; и давало пить нектар; и давало пищу, от которой воспламенялся аппетит и желудок почти сворачивало от дикого желания этого больше и больше, а слюна заливала подбородок, капая с него вниз, на раздувшийся живот. В любой их этих комнат могли воплотиться в реальность любые мои фантазии и мечты… кроме одного: того единственного, что я должен был осуществить сам.

Так продолжалось около пяти лет… что я говорю? Ведь время перестало существовать для меня с того момента, когда я ударился всем весом своей

живой извивающейся червем сути в эту линзу... проход в крепость; в ужас и в экстаз... Почему пять? Почему лет?

Пять пальцев на руке.

Ими я тащу из земли червя...

Просто ассоциации.

Наживка — я. Острие крючка в моих кишках, вставлено через задний проход... до мозга еще не так близко.

Мои зубы стиснуты. Только НЕ СУМАСШЕСТВИЕ.

Что там в этих книгах? Мудрость?

Я сваливал их на пол, на этот пятачок сомнамбулического одиночества, окруженного стеллажами, на полки которого из незримых глубин подвигались новые ряды книг. Я шелестел страницами. Я искал схему крепости.

Хохоча и рыдая, я искал Смысл своего Забвения.

«Они» молчали «пять лет». Потом мозг пронзила вибрация, нарушая обещанный покой, который стал непреходящим кошмаром.

«Твой мир среди комнат...».

И меня будто прошибло током: молнией, что вырвалась из небесного сумрака, из чрева адских стихий — насквозь. Солнца луч...

Мгновение — провал в истому и невероятное облегчение.

Коридор.

Коридор!

КОРИДОР...

Этим комнатам нет конца. Эти комнаты не повторяются. Начала тоже — нет.

Но есть выход. Должен быть... по логике.

ПО ЛОГИКЕ...

Где это ты усмотрел во всем этом безумии логику? Идиот ты паршивый...

Не будем ссорится, ребят, идет?

Ну-у, чего, в самом деле...

Шлеп. Бум-м. Пши-и-и.

Автоматически чавкающие пасти. Будто пожрать хотят.

Где же ТА комната?!

Я нашел ее... спустя еще... Время.

Да, это был мой мир. Но, наверное, центр Вселенной мог бы быть ближе.

Картинка. Живая картинка.

«Кресло».

Все сначала.

Я мог бы найти эту комнату раньше, если бы не возился с дешевыми книжицами.

Живая панорама. Цепочка событий повторяется снова и снова. Она зациклена. Она ждала моего прихода. Я — ключ к последнему звену, которое первое.

Лес. Река. Плотный и волнообразный шум листвы. Тот, который я в болотных сапогах, собирает снасть. Поверх теплой куртки непромокаемый плащ — я помню; его капюшон скрывает голову.

Мои глаза — куски льда. Мой рассудок спекся. Кажется, я прикован к этой сцене даже телом.

Тот, что в болотных сапогах поворачивается. Из капюшонного провала уже виден краешек лица.

Меня колотит. Я забиваю самого себя в это «кресло». Я хочу провалиться как можно глубже. Спрятаться от Данного, почти очевидного Безумия.

М а с к а.

II

Так было в первую секунду.

«Лицо» повернулось фронтом. И не в силах оторвать от него свой остекленевший от ужаса взгляд, я, совсем не замечая этого, давлюсь собственным языком.

Первое впечатление схлынуло. Висящий в пространстве комнаты огромный экран двинулся на меня... или это я медленно стекал к нему всей дрожащей массой своего враз вспотевшего тела?

Глаза, вспученные изнутри мертвым взглядом, глубокие жуткими безднами откровенной нежити — смотрели на меня, ничего не выражая, но... что самое отвратительное — с какой-то затаенной и предельной внимательностью. У лица, которому они принадлежали, не было черт. Лицо — было. ОБЕЗЛИЧЕННОЕ и тут же... ЧЬЕ-ТО. За этой маской омертвелого спокойствия что-то шевелилось... беспредметное, но знающее себе цену.

Рот — щелка, краями втянутая вглубь. Там, где должен находиться нос, пульсирующая едва заметно впадинка: будто кожа, то натягивается, то опадает. Лобовая выпуклость кажется тверже и тяжелее камня. Кожа... нет, не кожа это... будто светлые белесые жилы стягивают лицо куда-то к затылку. И я чувствую, что... смотрящий на меня из самой бездны Вселенского пространства, с крохотного островка природы, который когда-то был моим миром, не... не то, чтобы мертв... просто... ПРОСТО ОН НИКОГДА НЕ ЖИЛ.

Это жалкое, искусственное подобие. Это глумление над естеством.

И медленно, очень медленно ко мне начинает приходить понимание, въедливое и бескомпромиссное осознание, что тот, кто назвал себя когда-то «Разумом» стоит сейчас передо мной голограммной проекцией и вперив свой пустой, но до обморока чем-то ЗНАЧИМЫЙ взгляд, хочет передать мне этим очень простой и самодостаточный смысл... Я больше не хозяин своей жизни. Я фантом. Кукла. Призрак. А Он...

Сижу на полу в библиотеке. Нашел в закругленном стеллаже выдвижной ящик. Там лежала бумага, аккуратной и никем еще не тронутой стопкой... хочется верить, что никем... Набор разноцветных карандашей, точилка. Я чувствую себя ребенком. Главное, что я еще что-то чувствую.

Он один из них. Крепость — хранилище «мертвых душ». В некоторых книгах иносказательно говорилось об этом — помню отлично. Что конкретно из себя представляет крепость, я еще не разобрался. Возможно, она не реальна. Виртуальный лабиринт с хорошо продуманными идиотскими сюрпризами. Для чего все это — пока не ясно.

Он один из Них. Искусственные сущности. Порождение очень высокоразвитой и по всему видно, что изрядно свихнутой цивилизации, которая создала «Разум». И этот искусственный эквивалент их собственного безумия, должен обрести себя в качестве Личности... БРЕД.

Они оставили их (большую самовоспроизводящуюся группу «разумных») на не освоенной планете с тяжелейшими природными условиями. Но «эти»... они же вне природы! Им без разницы.

Вся штука в том, если только я правильно выстроил свою аналитическую схему, что они — даже вне материи. Их «разум» — это сгусток плотного света, который не распадается. Какой-то замкнутый и ни от чего независимый «контур». В каждом таком сгустке прообраз физической бесконечности.

Я не понимаю этого. Мой мозг стопорится.

Но я должен выбраться наружу... нет... Наружу... К у д а? Вернуться в свой МИР. Мне нужно вернуться...

Книги с картинками.

Картинки объемны и многообразны. Нет, не как в кино. ЭТО НЕЧТО ДРУГОЕ. Смотря на такую картинку я вижу все сразу: и что «до»... и что «после»...

Альтернативные миры.

Они заселяют собой цивилизованные планеты.

Они хотят стать живыми.

III

Комната. «Мой» мир.

Цепочка событий повторяется с автоматическим постоянством. Будто зациклилось что-то.

«Он» отворачивает лицо. Закидывает на плечо рюкзак, другой рукой (пальцы закрыты широкополым рукавом плаща) держит сложенный спиннинг. Медленно поднимается на пригорок, идет к дороге...

Во мне кипит и ярость, и липкий удушливый страх варится в котле не естественных для нормального человека чувств. Но я уже — не тот. Я изменен крепостью до неузнаваемости. Там внутри — я призрак собственной тени.

По щекам текут слезы.

Проселочная дорога. Обычно, чтобы выйти из леса, мне нужен был час. Этот час я провожу с ним — раз за разом пытаясь протиснуться своим стонущим нутром в этот «разум» и взорвать его изнутри душераздирающим воплем... Секунды...

секунды.

Первые дома. Белый кирпич, заборы. Свежесть ранней осени. Давно прибитая к дороге и ставшая грязью пыль. До моего жилища остается сотня шагов.

Маска.

Он снимает ее.

Появляются черты.

Крупнее и четче. Выпученные пустотой глаза впадают и обретают человеческую форму… некое подобие живого блеска. Но меня они не обманут… Только не меня!!

Грузно шагающий по мягкой земле под весом полного рюкзака мужчина средних лет — это я.

Калитка. Окно в спальню.

Мои руки сами собой хватаются за лицо. Рот не может закрыться — мой крик совершенно нем и оглушителен одновременно.

Цепочка сводящих с ума видений повторяется снова и снова. Одно и тоже. Река. Капюшон. «Лицо». Дорога. Дом.

ОКНО В СПАЛЬНЮ, в котором показывается на миг белая ночная сорочка женщины, которую…

Он входит на крыльцо. На «его» щеках разглаживаются последние жилы. Женская рука отворяет дверь. Мне больно смотреть. Глаза режет. Она улыбается.

«Разум» открывает рот и говорит.

Одна и та же фраза. ТЫСЯЧИ раз подряд.

— Я люблю тебя.

Она улыбается… в ее глазах трепещется крохотное и неожиданное счастье. Они лучезарны. Они светлее всех солнц этой дурацкой вселенной. Этих осколков рассыпанного по бесконечности света…

Ее руки нежно обвиваются вокруг «его» шеи.

Они обнимают мертвеца.

«Я люблю тебя».

Но только один я чувствую, какой в этих словах космический холод, какая пустота...

«Он» снимает сапоги. Ее руки завлекают «его» в спальню. Она тихо смеется.

Я пытаюсь покончить с собой. Силы челюстей не хватает, чтобы вырвать плоть руки вместе с горячей веной. Пытаюсь обессилено жевать кожу, под которой пульсирует расплавленным металлом кровь. Вспучивается и опадает: где-то в самом сердце.

Появляется тот некто, что подобен по форме мне. Призрак крепости. Страж моего ужаса и моей плоти. Я действительно обессилен и отдаюсь ему. Тот, «кто» подобен, приводит меня в чувство. У него нет глаз, чтобы я мог истерзанным взглядом попросить его дать мне умереть. Хотя... бездушное нечто и так все понимает. Но за прозрачным и темным ореолом его головы — сосущая мои мысли ПУСТОТА.

Библиотека.

Почти живые книжки.

Они рассказывают о «Разуме».

Они молчат о душе.

Потому что ничего о ней не знают...

Многоэтажные строения не привычных ранее форм; глубокие шахты... Безумие людей, у которых отняли самое человеческое.

Цивилизованный мир, по поверхности которого бродят мертвецы в балахонах. Они скрывают свои «лица». Они медленно преображаются в подобие.

Планеты — еще не открытые «Разумом»...

Сколько всего... Боже!

Я перестаю что-либо вообще понимать, если хоть что-то понимал ранее.

Комната.

Мой собственный разум уснул. Я хочу видеть Ее. Только это. Больше ничего не осталось.

Бермуды... Аномальные зоны...

Возможно, мой случай частность — «они» действуют всегда нестандартно.

Похитители душ...

«Он» отворяет калитку. «Он» входит на крыльцо. «Он» — который «Я».

Рот, который совсем уже не провалившаяся в черную беззубую полость бездыханная щелка, моим... и не моим (здесь, в этой Вечной Крепости мой голос давно уже сорван — я могу только хрипеть) ГОЛОСОМ произносит уничтожающе родное:

«Я люблю тебя».

Это не «Он». Это я там на крыльце. Это я смотрю в ЭТИ обожаемые глаза. Это я рыдаю внутри от тоски и испепеляющей сердце ЛЮБВИ...

«Я-Люблю-Тебя».

ЯЛЮБЛЮТЕБЯ!!!

Это я говорю этими мертвыми устами.

Я в них — весь — и душой, и телом.

Все плывет перед взором. Глаза воспалены.

Я не могу говорить. Есть только порыв внутреннего, сердечного, глубинного естества. Никогда так не было... никогда с таким страстным самозабвением и одновременно как-то отстраненно, будто из самого далекого далека я не признавался ей в любви. Вот именно так — впервые.

Теряю себя. Вхожу всеми чувствами в это чужое, отвратное до тошноты, созданное смертью тело. Вижу ее глаза... ТАК БЛИЗКО. Как никогда...

Слепой обездушенный механизм снимает слепок с моей души. Пик экзальтации ТОГО САМОГО чувства. Вмиг понимаю ВСЕ.

Все эти «почти живые» картины собираются в компактное целое. «Разум», что мертв, хочет научиться ЛЮБИТЬ...

Я смеюсь. Беззвучно. В «его» теле. При первом же всплеске истеричных эмоций «он» вышвыривает меня из себя: оказываюсь в том самом комнатном «кресле», осознано обнаруживаю свое «я» и тут же теряю.

Пустота — это я.

Крепость… призрак.

Эти «нечто» забрали у меня душу, дав возможность Жить мгновением, которое больше самой жизни.

Двери. Двери… расставленные руки. Шлеп. Пши-и-и.

Нельзя было смеяться. Нельзя…

Выход был в нем. В «разуме».

Осечка…

Они будут искать другого «рыболова».

Они позволят ему жить, пока существует Время.

Я ищу комнату смеха.

Разогнать звездолет

Предисловие
Метеорит летел сотни миллионов лет. Он был осколком планеты, что подверглась разрушению оказавшись на пути гравитационной волны апселектического выброса плазмы при вспышке сверхновой. Планету снесло, смело, сплющило. Еще до контакта с волной вулканы планеты произвели мощнейший выброс в атмосферу: давление внутри магнитроидной сферы, ядро вздувалось. Солнце системы также «пухло». До сжатия гравитационного поля апселектики, синергетического избытка гравитационного баланса масс, оставались секунды…

То время уже совсем не существенно — астероид летел уже очень долго. Астероид? Он не знал КТО он, ему было все равно. Осколок. И все. Но даже это ему было не интересно: он не думал и ничего не желал; он был всего лишь куском материи. Мертвой. Наверное. Хотя, в его порах и трещинах «копошилась» жизнь, ценметроидные микроорганизмы. Совсем маленькие. Ничтожные.

Остатки планетарной жизни. Остатки биосферы. Пульса планеты.

Метеорит вибрировал. Потому что входил в атмосферу другой планеты. Наконец-то? Конечно же нет, ведь он не чувствовал, не жил. Он всколыхнул мегатонны пыли. Поднял над лесами, горами… морями. Вознес в стратосферу. Он стал легендой. Хоть ему это было и все-равно.

Все конечно во вселенной. И разрушение ищет себя в остатке своего движения в ноль, в пустоту; и время не предел разрушению. Время так же… осколок вечности.

Внутри гравитационного вихря рождаются звезды. Пусть. Это их право.

Быть первыми в зачатке предстоящего.

А жизнь — признак Смысла. Ведь… для чего-то все ЭТО существует?

_____

Видно. Никто. Не более мира. Меньше напутствия — тяжесть веры; Память о не рожденном стара Как небо несущие вечные горы, Что облаками облизаны, громами Обласканы как и дитя человечное… А земля обретала себя родов стонами; А земля — и отныне — пламя надстрочное Извергает из недр да магмою вещей. То пути всех путей: на долинах печать Тоски сущей… тень неба вглядевшись пей. Чтоб секунду мечты познать. И низвергнуть в потоки печали дым: Одномерный эскиз воображения… Каждый хотел быть большим. Но не на каждом знак возрождения. Мысли тугою лентой — стянут Мозг чуть прикрытый припудренной костью. Каждому — дети улыбками скажут, Что к жизни зайдя да нечаянно в гости — Аппликатируешь зов души. Внятно. Пальцем по небу пиши: Ждать рожденье себя — так приятно! _____

_____

Разогнать звездолет до критической точки было невозможно. Полетел редуктор противобалансового резонанса синхронных полей. Корпус был поврежден от удара метеоритной крошки…

Спанс сделал вид, что ему это безразлично. Внутренняя полость рубки управления завалена большими томами руководства по астронавигации, в ее суженом пространстве висит голубоватый туман табачного дыма. Звезд не видно. То ли из-за дыма, то ли их вообще нет. По курсу следования — сплошная темень, которая больше походит на густой кисель. Приборы явно врут. Спанс это понял полчаса назад, когда пытался заново вычислить курс, с поправкой на вынужденное отклонение корабля. Сотая сигара… ее вкус отвратителен; точнее,

Спанс не чувствует уже совсем никакого вкуса. Ему все равно. Ему бы, наверное, хотелось уснуть, погрузиться в кому анабиозного сна, чтобы не ощутить каковым будет конец. Но даже этого — не хочется...

Он знал с самого начала, что летит в никуда. От того мира, в котором его разум зашел в конкретный тупик. Этим Миром была (или могла бы быть?), пожалуй, вся вселенная. Спанс искал мудрость. Совершенную мудрость. Искал с того самого момента, как осознал себя зрелым, окончательно запутавшимся в жизни философом. Нашел — одиночество и предчувствие вечности, что мертва.

Звездолет старой конструкции. Изрядно изношен; но ему — нет никакой разницы. Главное стартовать и вслепую ввести параметры курса в бортовой программатор. Следуя по прямой, он, возможно достигнет пустоты... в которую и направлялся. Или вонзится в гипер массу какой-нибудь старой звезды; а может новой. А может...

Черная дыра.

Раз в жизни нет смысла, то возможно он найдет его в смерти. В тот самый последний момент, когда корабль достигнет критической точки... но защитные поля дали сбой. Старый аппарат. Даже древний, можно сказать. Вот же... случайность: осколок метеорита, что блуждал в пространстве миллионы лет, настиг его в тот самый момент, когда на полсекунды отключилось внешнее поле лобового прикрытия. Хорошо рубка осталась нетронутой: бесцельный снаряд прожег обшивку и полость корабля с правой стороны, пройдя где-то сбоку от отсека управления и, видимо, частично разворотил кожух правого двигателя. Ничего. Пока работает.

Какая жуткая тьма!..

Он никогда не видел такой ранее.

Он искал совершенную мудрость. Он шел к свету. Ему нужна была ясность.

Он устал от своего поиска. Двадцать четыре тысячи лет жизни, интересной, наполненной смыслом; ... реальностью.

И бессмысленным вопросом, на который не найти ответ. Он изучил сотни миров. Он знал тысячи и тысячи наречий, которые давно потеряли в его памяти всякое целевое назначение. И вот он один. Вне всех миров. Рандеву с вечностью...

Все что осталось — это разогнать звездолет.

Для прыжка нужна субсветовая скорость. Может быть последнего скачка сквозь пространственное заглубление, сигму пустоты. По прямой, которая выведет его на след так и не найденной мудрости. Он мог бы умереть любым из сотни способов, которые были доступны его фантазии и возможностям. Но тогда он не ощутит смерть таковой, какая она есть в своем [кажущемся] естестве. Встретить смерть откуда-то из самых глубин и времени и пространства. Может в этом кроется ответ? На вопрос, который он не в состоянии даже сформулировать. Может.

Спанс не спрашивает себя почему все так сложилось. Это банально, глупо. Как есть... так и есть, собственно. К чему суетиться в дремлющем и уставшем от пустого смысла разуме? Ему нужно только лишь разогнать звездолет.

Он садится на корточки и гасит сигару об пластик обложки одного из томов, растирая и размочаливая ее кончик, чувствуя, что мозг уже стопорится, напитанный переизбытком никотина. Других наркотиков на борту нет. И он уже жалеет об этом, потому что не в состоянии более курить эту гадость. Он сильный, этот Спанс, его организм может вынести невероятные перегрузки любого характера. Он выходец древней и высокоразвитой цивилизации из системы... Впрочем... нет более никаких систем. Одни смутные и почти стертые впечатления от прошлого. Он стар. Ему настала пора заглянуть в самое нутро Истины... в провал вечности... В...

В то самое. Он раскрывает в себе свою сущность как она есть. Только лишь миг познания — а потом конец. Но всего лишь миг... Он больше Жизни. Он больше Познания. Он больше всего того, что Спанс оставил за бортом звездоплавательной капсулы.

В его заиндевевшем в самой сердцевине сознании неповоротливо и с натугой будто, всплывает давно забытая картина: уходящий в необозримую перспективу разлет планетарной окружности... удаляющаяся куда-то вглубь широченная плоскость платформы космодрома; вниз и вниз — его дом, его родная планета проваливается в бездну. И он, совсем еще молодой, переполненный приторным предвкушением еще не явной значительности и необычайности происходящего с ним, смотрит, широко раскрыв и без того крупные, выделяющиеся на лице и формой, и глубиной ясного взгляда глаза, затаив дыхание наблюдая как тает вместе с исчезающей во мраке космоса планетой ранняя пора его юности. Он оставляет там свои сны. Он пробуждается для новой жизни. Он взрослеет для поиска. Зепоны не верят в судьбу. Они верят принципу. Не закономерности, но — некоторой стандартизации Причин.

Сейчас его глаза мутны.

В них блуждает истлевающий образ не постигнутого Порядка Вещей. В их невероятной глубине маячит призрак пульсирующего ничто, тень абсолютной нежити — она принцип или причина Закона, который порождает таких как он: искателей мудрости, что невероятна. Таких, которые уходят сами в себя, поглощенные бесконечностью не смысла. Таких, о которых ничего как правило неизвестно тем, кто только делают первый шаг в безграничный простор космоса, познания, Жизни. Он сам по себе. Мир — сам по себе. Он, как личность, вне системы сложившегося порядка природного и разумного бытия. Но нельзя быть свободным абсолютно. Здесь имеет место запрет: чудовищный, необъяснимый, нелепый даже… может быть даже так. Он заложник Принципа, которого Нет. Во всяком случае, сколько не искал, он не нашел даже самых приблизительных признаков разума, который был бы в состоянии дать более менее удовлетворительный образ, несущий в себе частицу смысла, способного дать Понимание.

Но пустота требует заполнения. Чего проще? Вот она — фундаментальная основа сущего. И нет здесь более ничего. Все остальное — асфиксия научного менталитета и Игра в познание.

Нелепая случайность… И его жизнь (по всей видимости), и этот злосчастный кусок метеора. И этот мимолетный сбой в системе защиты.

Спанс сползает на пол по стене, вдавливаясь в нее спиной всем весом своего плотного и дрожащего по непонятной ему причине тела. Его лицо морщинится еще больше. В глазах стынет вязкая влага старческой слезы. Ведь Зепоны не плачут… даже когда рождаются. А ныне…

Звездолет тряхнуло. Его рука нервозно дернулась к полу, чтобы найти опору и тут же застыла: какая разница? Равновесие ему более ни к чему. Ведь, наверное, это покачнулась вся вселенная… От его слез… От глубинных рыданий в самом истоке потерянной сути. Не найденного смысла.

Мудрости.

Он просто понял однажды, что причина, по которой существует во вселенной Жизнь — является переизбытком больного воображения таких как он, подобных ему. Нет ее, этой странной по сути всех преходящих и незыблемых вещей, причины. Не было никогда. Скучный вымысел, от которого он стал так истерически (может категорически? — не важно…) зависим. Его разум ослеп в тот самый момент, когда он всерьез помыслил о сути всех вещей. Преходящих. Незыблемых. Не доступных даже самому абстрактному смыслу. Но это его крест… его и таких как он. Подобных ему. Всяких…

Он прячет мутнеющий взгляд... прячет его от пустоты, потому что некому сейчас смотреть на Спанса; совершенно некому.

Это не одиночество. Это — самоубийство. Самое элементарное и банальное, которому, однако, нет внятного и разумного определения. Двадцать четыре тысячи лет — много это или мало? Достаточно, чтобы сойти с ума. Он ранее не думал об этом. Сейчас еще есть время подумать. Совсем немного... а может быть и... больше чем нужно.

Совершенная мудрость... Он двигает судорожно нижней челюстью, пытаясь разжевать оскомину смысла; заползшей в сознание чужеродной мысли. Он думал над этим последние пятнадцать тысячелетий. Теперь ему кажется, что в такой головоломке присутствует чужеродный элемент. А может, этот чужеродный элемент — он сам? Разве он не есть отчуждение для себя самого? Он медленно и тяжело встает, пошатываясь, направляется к центру камеры... рубки управления... к стойке сенсорного контроля за полетом. Чуть подрагивающими руками снимает с подставки шлем, нахлобучивает его себе на голову; от затылка свисает к полу плоский многожильный кабель — это связь с бортовой системой координации, с узлом автоматического контроллера.

Он сам почти как компьютер: высчитывает непрерывно в уме алгоритм вероятности, надеясь все же, после многовековых безуспешных попыток, вывести базовую константу Аксиомы Начал. Спанс ученый. Он знает цену теории. Его ум — сама «гипотенуза».

И почему-то сейчас он в трансе... в гипнозе даже. Это так похоже на сон, в который он погружался еще в ранней стадии жизненного цикла, в самом начале жизненного пути; или, как говорят в некоторых не развитых мирах — в детстве.

Сон был разнообразным, но одним и тем же. Сменялись только декорации — сцена не менялась. Потом видения забытья начали растворяться во мглу. Он просто отключался на время, потому что телу и мозгу нужен непродолжительный отдых. Крепкому телу. Мощному мозгу.

Инсинуация катаклизма. К чему он шел, не подозревая об этом; сближаясь с вероятностью помешательства на почве глубиннейшего противоречия, имя которому «само сущее», к чему неуклонно стремился. Так кончается жизнь. Искуплением за Разум...

Истерика.

Спанс старается перебороть себя, задавить чувства и встает на подставку, чтобы опереться телом на узкую и чуть пологую вертикаль стойки. Это удобное

положение, хотя приходится стоять. В этом положении он ощущает себя практически невесомым. Тело еще изрядно крепкое. Тело, которое носитель живой сути и сумасшедших противоречий. В раннюю пору своей бытности он и подумать не мог, что простой вопрос заведет его в такой безумный тупик.

Он мог бы говорить сам с собой — так было бы легче. Возможно. Но он не может. Он иначе устроен. Его психика универсальна, его ум не терпит прострации. Он останется в ясном сознании до самого конца, не смотря на туман в голове от выкуренных сигар.

Никотин... и чего ради он запасся этой отравой? В другое время его может быть даже «рассмешило» бы это (хотя эмоционально беспечны бывают Зепоны редко, да и то, по самой существенной необходимости): перед самым стартом в никуда у него был еще один целевой рейс — последний. Планета в системе Зэт-092ЦЕРОН под номером Экрос-4. Приземлился, вышел. Установил телепатический контакт с аборигеном. Попросил это оцепеневшее от такого контакта существо принести ему то, что дурманит мозг. Получил... как это на их языке... да... сигара. Семь коробок по тридцать штук. Взамен отдал онемевшему от счастья, немой восторженности и непродолжительного мысленного ступора планетянину визеобраузер — небольшое устройство для улавливания волновых вибраций исходящих от любой живой формы и просмотра блуждающих моделей поведения. Когда-то он не расставался с ним, изучая формы сознания на многочисленных планетах. Развитие этих форм. Прогнозы. Отчеты. Общественные модели и популяции. Чем больше миров он изучал, тем сильней ковырял в самом сердце червь непознанной мудрости. Спанс избороздил всю галактику. И не нашел ее признаков. Нигде. Почему? Потому что ее нет. У природы нет замысла... Природа бесцельна... значит, не мудра? Во всяком случае, не совершенна в некоем автоматически регулируемом глобальном процессе самоустроения. А значит, безальтернативна. А разум? Он бессилен изменить эту фундаментальную тенденцию Бытия, поскольку сам порожден... Это сводит с ума. Может довести до крайней степени безумия. Потому что это важно... Почему? Почему же важно? И на это тоже нет ответа. Голый вопрос — и прострация. И сигары. Пустой корабль, несущийся почти на субсвете в никуда. В такую же пустоту. В провал во времени...

Нужно разогнать звездолет. Войдя в черную дыру (если повезет с курсом... хотя, впрочем, не вычисленный, а спонтанно настроенный автоматом курс в режиме локации сжатой пульсации космоса, направляет корабль в самое сердце сплюснутой тьмы...) в режиме гипер скачка, можно (вероятно, но не доказано) выйти за пределы времени и пространства. Один миг... момент истины. Соль всей постной, как оказалось жизни. Инсинуация катаклизма.

Познать смысл Вечности — и тут же умереть. Ради этого он жил столько тысячелетий? Вернее — влачил банальность самого себя по мирам и космическому многообразию природных стандартов. Невероятность и занудство. Система и хаос. Все в одном — единственном миге... моменте истины.

Он шел правильным курсом пока не встретился с осколком планеты... Да, миры возникают и рассыпаются в пыль. Таков порядок мироздания. Такова система, которой нет... то есть, которая постоянно изменяет саму себя. Инициализирует и вершит заново. Чтобы с самого начала, которого — нет.

Он точно сойдет с ума. Где исток Вечности? Уж точно — не во времени.

Глаза Спанса уперты в одну точку, но он ничего не видит. Мозговые импульсы автоматически коррелируют сбои системы управления. Шлем снимает сенсорным биомагнитным полем параметры мысленных команд, что вполне автоматичны, отшлифованы за тысячелетия астронавигационного опыта. Он будто спит. Но этот сон — хуже яви.

Еще одна встряска.

Нужно разогнать звездолет. Нужен субсвет. Прыжок. Черная дыра. И провал в НИКУДА. В ничто. В абсолютный вакуум.

Но есть один момент. Только он истинен. Все остальное — прелюдия.

Спанс делает вдох. Последний. Звездолет не разогнать. Чуждое в каждой мысли. Ступор осознания, которое невероятно. Он больше не выдохнет. Это приказ самому себе. Это окончательное действие, продиктованное расщепленным до основания разумом, который еще в состоянии ощущать самого себя и...

Момент истины.

Мудрость, что совершенна. Или только так кажется. Это скачек в никуда всей мощью отвергнутого смысла. Пусть кажется. Главное, что у Вечности есть своя причина... Вечность не абсолютна...

Последнее усилие...

НЕ ДЫШАТЬ!

«Господин... ВАМ какие сигары... здесь у нас продаются гавайские... прямо в городе... есть лавка...»

Планетянин таращит глаза. Какие же в них и удивление, и восторг, и страх — все это одновременно. Спанс не знает таких чувств — они чужды его натуре, его естеству. Откуда он знает язык с Экроса-4? А, вот... экспедиция «Рекрут» под номером... даже чтобы представить эту цифру, нужно напрячь мозг. Как много миров избороздили его предки; сколько работы проделано по усовершенствованию социальных взаимосвязей в галактике... сколько цивилизаций спасено от саморазрушения. Во всем этом таится такой невероятный смысл реальности! ТАКОЙ СМЫСЛ...

Уничтоженный одним простейшим и идиотским вопросом. Совершенная мудрость...

Это то, что разрушает раритет умозрительности; то, что рационализирует умственный поиск до состояния разумного универсума. Это то, что раскололо на части психологический панцирь его потерявшейся в поисках сути. Не религия... не философия. Идеологический практицизм: Спанс и такие как он всегда следовали только этому пути. Рациональность оценки и погруженность в реализм настоящего. Потому они так развились; их цивилизация — сама РАРИТЕТ.

«Любые» ... «Главное — побольше»

Планетянин кивает головой так энергично и продолжительно, что Спанс теряет терпение впервые за многие века своей жизни. Потом он осознает, что просто слишком интенсивно погрузился в телепатический транс, настраиваясь на мозг и сознание суетящегося перед ним и в мыслях, и в движениях существа. Дисбаланс самоотношения. Спанс резко выпрямляет вектор внутренней силы самоощущения и гармонии восприимчивости. Отвлекся... так странно... Старость?

Спанс ждет. Получает свои коробки. Протягивает «мыслетрясу» визеобраузер. Поворачивается, чтобы направиться к поляне, над которой завис планетарный модуль. Идти не далеко. Сотни две шагов. За лесопосадкой. Ему, разумеется, было совсем безразлично (особенно в тот момент), что место, которое он выбрал наугад для посадки, являлось в некотором роде местом общественного пользования — оно предназначалось для игры. Он видел в стерео экраны, когда садился — автохтоны с какими-то клюшками, летящие по дуге через поле мячи. Он садился. Простая посадка на планету. Сотая? Стотысячная? Больше. Гораздо больше. Возможно, он устал от миров? Или от себя? Или...

Транспорт планетян с приспособлениями для мигания на верхних плоскостях корпусов; мерцающий свет, вой сирен. Бегущие к полю аборигены. Но к модулю

никто не приближался. Зная, что будет именно так, Спанс шел размеренным шагом к своему транспорту, уже испытывая вполне ощутимое и горячее даже желание поскорее покинуть эту планету. Выхлоп. Удар в правое плечо и сначала резкая, но уже через две секунды тупая боль — он не сразу успел среагировать сознанием на внезапную и частичную деформацию своего тела. Остановился на миг. Ни о чем не думая, двинулся дальше. До входного люка модуля десять шагов.

Выхлоп. Еще. Колющие слух равномерные щелчки. От земли поднимаются фонтанчики пыли. Кое-где шевелится трава. Он входит внутрь транспорта. Когда-то этот мир находился в разработке в Коалиции по Наблюдению за Развитием. Спанс, будучи тогда геофизическим инженером, инициализировал ту часть плана поддержки, которая касалась вопроса воздействия активности социума за многовековой период на планетарную физико-динамическую структуру и их взаимосвязи. План утвердили. Но эти существа непредсказуемы. Прогнозы по плану частично оправдались. Но многое нужно было пересчитывать заново. Спанс долго возился с этим миром. А потом он ушел из Коалиции. Рецидив философского практицизма. Ему нужно было определиться с вопросом о целевой необходимости таких мер. Природа и разум... в чем приоритет?

И вот — незначительное повреждение тела со стороны этих существ. Не целевая месть? Это можно как-то определить? Интересно просто. Это могло бы быть интересным... В другое время. А тогда, стартуя с планеты, он ни о чем не думал. Вообще. Мысли скомкались или их просто не было.

Курс... на сжатую массу пульсирующей материи, в аномалию пространства.

Момент истины.

Ради чего прожита жизнь.

Целая жизнь — и только один неповторимый ничем и никак момент.

Сознание мутнеет сильнее. Это уже не из-за никотина. Видимо, это вступает в права столь загадочная и столь непознанная смерть. Нет... еще сохраняя силы рассудка, медленно думает Спанс... она не порог... нет за ней ничего...

Момент истины.

Он прислушивается к собственному пульсу. Еще несколько минут — и все.

«Спанс?»

Всем телом вздрагивает. Ведь он один на корабле. Не отвлекаться… Дышать нельзя. Возникший эффект — звуковая галлюцинация. Наверное, это преддверие самого конца.

«Совершенная мудрость невозможна, Спанс, ты искал не существующую истину».

Он снова вздрагивает, но уже внутри, в уме, рассудке… у него нет того, что существа, подобные планетянам с Экроса-4, зовут «душой». Голый расчет… Ре-эквивалент самобытности. Но не «душа», которая — заблуждение не внятного разума.

Еще полсекунды оцепенения, которые тянутся невыносимо долго, в которые он понимает, что голос — не иллюзия. Его ум слишком рационален, чтобы не уметь идентифицировать реальность. На миг выскакивает из самых глубин растянутая в бесконечность мысль… НЕ ДЫШАТЬ!!!

«Кто ВЫ?»

«Иное Сущее»

Его интеллект включается сразу — буквально след в след. Он поднимает к потолочной плоскости замутненные дурманом смерти глаза.

«Как ЭТО?»

Его страдания разрушительны для рассудка. Он теряет последние опоры неколебимости, самостийного стержня собственного «я».

«Сущее Иного Порядка»

Спансу становится смешно.

«А есть какой-то порядок?»

«НЕТ»

Пауза. Корабль снова тряхануло. Гудение в мембранах шлема — это позывные телепатического приемника. Его как-то засекли. Кто-то. Но как? И…

Это невозможно. Засечь его частоту было невозможно — он шел практически на субсвете.

«Немыслимо…»

«Именно так»

«Как... ВАС зовут?»

В ответ он услышал хохот в своем воспаленном мозгу.

«По разному, Спанс» ... «Зови меня — «существо».

«Понял ВАС... как ВЫ...»

Спанс осекся. Сознание меркло. Нужен был выдох углекислоты и — глубокий продолжительный вдох. Что-то взъерошилось в нем... противоречие. Сомнение и уверенность. Только вот... в чем сомнение... и в чем уверенность...

В настоящем — подсказывал извивающийся разум.

Но... МОМЕНТ ИСТИНЫ.

«Не динамическая смерть» — термин выплыл из самых глубин терзаемого противоречием ума. Совершенная мудрость унифицирована. Это мистификация заблуждения.

Он хотел сделать выдох, чтобы потом вдохнуть: глубоко и с невероятным облегчением. И попытавшись сделать это, он внезапно понял, что время сменилось чем-то другим — застывшим и ни с чем не соизмеримым. Началась Вечность...

Момент.

Истины.

Иное... Сущее...

«Так не бывает»

Опять тряхнуло. Разгон в бездну. И не жизнь — и не смерть. Рациональное НИЧТО.

Всякость.

Выдох! Вдох! Выдох...

Медленно. Вязко. Глубже... глубже.

Рябь в глазах. Сумрак кабины... но это тоже свет.

«Спанс!»

Весь расслабленный, он ощущает, как с глаз спадает темная пелена. Агония позади. Он снова дышит.

«Ты понял, Спанс?»

Он едва заметно кивает, по его морщинистой щеке течет вязкая старческая слеза.

«С-п-а-с-и-б-о...» — едва слышно ему самому, потому что в самом нутре и в мозгу (в висках) постоянный и плотный ватный фон, через который чуть ощутимо прорываются слабые удары пульса, произносит трясущимися губами ученый.

«Спасибо не за что, Спанс» ... «не теряй себя больше»

«Это ВСЕ?» — его глаза расширяются, будто он надеется развернуть этим поле визуального восприятия и увидеть своего нечаянного и столь загадочного спасителя сквозь корпус звездолета, сквозь пространство.

«Все»

Еще чуть-чуть и глаза лопнут от перенапряжения. Они уже почти в два раза более выпуклы, чем это возможно.

«Я вне пределов» ... «В самой глубине Сущего» ... «И — быстрее Света».

«Почему я?» — с усилием сглотнув, думает Спанс, направляя свой вопрос Абстрактному НЕЧТО.

«Я наблюдал космос. Заметил тебя. Твой фактор нуль находился в нужной фазе».

«Фактор нуль?»

«Эго»

«Понял ВАС...» ... «ВЫ — существо?»

Мозг Спанса прошибла освежающая волна. Медленные эмоциональные вибрации: успокоительно и восторженно.

«Я же сказал — существо»

Спанс снова сглотнул.

«Где ВЫ находитесь?»

Опять наступила пауза. Более продолжительная.

«ВЕЗДЕ»

У ученого все поплыло перед взором.

«Как ЭТО?»

«Астрономически — и не иначе» ... «ЭТО ВАЖНО?».

Шепот. Попытка сказать вместо телепатического выноса мысли.

«...Нет...»

«Я — Центр»

Шепот...

«Чего?!»

«ВЕЧНОСТИ»

Сдавленность в голосе; но вопрос — как поток лавы пробужденного вулкана. Стихия, что сметает на своем пути все естественное и такое рациональное.

«Я такой же как ты, Спанс» ... «только дышу глубже» ... «ПОНИМАЕШЬ?»

«Нет...» ... «НЕТ» ... «Не по...»

«...ни...»

«...ма...»

«...ю»

«Будь собой» ... «Жизнь так Прекрасна!!!» ... «Понимаешь?»

Пауза. Это вынуждено. У Спанса было затмение. Через обморочное сознание что-то рождалось... через потерявший всякую внятность разум.

«Вы дали мне больше чем жизнь...»

«Знание?»

«Да»

«Ты обрел совершенную мудрость?».

«Нет»

«Ты знаешь теперь, что она возможна?»

«Нет»

«Что же ты знаешь?»

«Ничего»

«В чем же мудрость?»

Спанс хотел произнести это... но смолк на не родившемся звуке.

«Прощай, Искатель. Мне пора. Твой корабль поврежден. До ближайшей обитаемой системы или ремонтной станции ты не дотянешь без сигма рефракции».

По спине Спанса прошел легкий холодок. Он только что обрел то, что больше жизни. И он не сможет ЭТИМ жить... его удел — дисфункциональная капсула, что почти уже по инерции несет его в бесконечном пространстве. Тысячелетия одиночества? Наедине с... Прозрением, которому нет разумного эквивалента. Это ли не момент истины?

Спанс вздрогнул. Изнутри накатывал волна за волной неудержимый порыв истерических эмоций. Как это... смех... это называется смехом в мирах подобных Экросу-4. Самый обычный для тех существ способ самовыражения. Неуправляемый рассудком. Истошный. Смачный.

«Я выправил курс, Спанс» ... «Лети на Энзиму — семьдесят лет. Этот мир еще не открыт. Ты сделаешь это первым».

Спанса прорвало.

«Вы...ы...ы».

В ответ — звенящая тишина. Эхо в мембранах шлема. Признак, что телепатический сеанс завершен.

Мука.

Истерика.

Вдох. Выдох.

Это новый предел познания. Это новый отсчет. Он понял то, чего не познать за целую жизнь. «Мудрость»… только слово. Вечность — только понятие.

Больше разума только...

Его глаза закрываются сами собой. Он не может сдержать слез. Это больше рассудка. Губы что-то шепчут. На каком-то наречии. У Спанса давно уже нет родного языка. Он его «затер» в памяти сотнями диалектов тех миров, которые нуждались в помощи Коалиции. Он начинает свой отсчет. Семьдесят лет... их нужно чем-то занять.

«Один»

«Два»

«Три»

«Четыре»

«Пять»

«Шесть»...

Бесконечность неисчерпаема.

Но нужно ориентироваться на настоящее.

Вдох. Выдох.

Двадцать — четыре — тысячи — один...

Законник

I

Галактика Эктемус отстоит от соседних спиральных вселенных на усредненное расстояние, равное пятнадцати биллионам парсек. В ней больше тридцати миллиардов звездных систем. Двадцать шесть пульсаров, семнадцать миллионов разновидностей форм жизни. Тринадцать тысяч почти потухших звезд средней величины. Чтобы достичь ее центра с периферии необходимо затратить колоссальное количество энергии, равное семидесяти триллионам в стотысячной степени эргов.

Все это было неизвестно жителям планеты под кодовым названием Иремус-24, поскольку подобающего названия она так до сих пор и не получила. Подобная статистика, даже если бы и была доступна ученым вышеозначенной колонии, была им просто ни к чему или, говоря иначе, совсем бесполезна. Галактическая провинция… да, что там! Самый обыкновенный замшевый мирок, погруженный в тихую умиротворенность и дремотный покой. Да и самой колонии не исполнилось еще и пятидесяти лет — только заселиться и успели, если говорить начистоту. Быт устроился, но наблюдалась масса недоделок, впрочем, совсем не обременительных для жителей «Иремуса». Люди были молоды и полны надежд на светлое, безоблачное, можно сказать — будущее, в котором имеющая место умиротворенность не просто сохраняется, а становится основой мирового порядка, ведущим принципом замшевого бытия.

Сама планета мало чем отличалась от родного мира. Сочная грибовидная растительность и микроскопическая фауна — вот, пожалуй, единственное существенное различие. А в остальном… те же облака, та же земля, небо — голубое, а ни в какую не в крапинку, как «предсказывали» неравнодушные к перемене места заключения не слишком обремененные ответственностью за подобные высказывания шутники. Высылать преступников с Земли начали в позапрошлом столетии, после того, как была освоена первая звездная система, в которой обнаружились планеты, пригодные для колонизации. Одной из таких и явилась та, о которой пойдет дальнейшее повествование. Мир-то, конечно, совсем чужой, где-то даже тоску навевающий смертную. Но, с другой стороны, первый плюс такого поворота событий в жизни каждого осужденного пожизненно обнаружился сразу же как трап опустился на отсыревший после дождя грунт, и узники, скованные стальными «браслетами», стали ровной цепью медленно спускаться к новой земле. В этот момент кем-то был замечен другой трап, боковина которого выглядывала из-за стрелы левой посадочной стойки тюремного звездолета. По нему спускалась группа молодых женщин. Может быть это было случайностью, а может и особой правительственной программой, как-то связанной с исследованиями в социальной области. В мужской группе тоже не было никого старше сорока. Земля давала этим людям шанс начать

жизнь снова? Кому-то было интересно знать смогут ли они, люди оступившиеся когда-то и не сумевшие организовать свою жизнь должным образом, исправить ошибку здесь и создать миниатюрную цивилизацию, в которой нет места насилию, беззаконию. Если это эксперимент — то довольно смелый; и скорее всего — безнадежный в самом принципе той идеи, которая взбудоражила фантазию никому здесь неизвестного эксперта-социолога… корпевшего ночами над идиотической диссертацией, озаглавленной приблизительно как: «Метод инопланетной республикации». Впрочем, неважно. Как говорится, поживем — увидим.

Но тот экспрессивный момент запомнился многим — и надолго. Наверное, он будет вписан в историю этого мира, как «момент истины». Как позже выяснилось, женщин было ровно столько, сколько мужчин, хотя, не это существенно. Ведь не всегда правильное или адекватное количество влияет на качество, верно? Поэтому на этот факт всерьез внимание мало кто обратил. В течение получаса из грузовых отсеков было выгружено необходимое для освоения жизненного пространства снаряжение и техника. Обе группы, стоя поодаль друг от друга, несколько отрешенно, а можно было бы даже сказать, что как-то обреченно наблюдали за процессом выгрузки. Радиостанция и «тревожный маяк» были спущены к поверхности в последнюю очередь. Вслед за этим, потеснив у входа конвой, из глубокого проема посадочного люка вышел господин в черном батистовом костюме с крайне сосредоточенным, даже ответственным выражением немолодого лица. У него подмышкой был зажат толстоватый пакет, похожий на тот, в каких обычно отправляются бандероли и вообще, сколь-нибудь ценная почта. Примяв подошвой коричневого ботинка молодую оранжевую поросль, которая, по всей видимости, являлась ни чем иным как травой, и несколько раз зачем-то попробовав этой самой ногой грунт на прочность, он ступил обеими ногами на землю и степенно направился к мужской группе. Два конвоира с автоматическими винтовками молча и без команды двинулись за ним. Лица у тех были совсем молодые и суровые. Не насупившиеся, но какие-то мрачноватые, что не вызывало совсем никакого доверия, а так же никаких эмоций, потому что они были такими всегда. При приближении же ответственного господина в толпе заключенных случилось небольшое движение, невнятное сопение где-то в самой гуще, а по бокам шевеление массивных и более щуплых плеч, держащих на себе поношенные батники; и сразу же наоборот — сопение по бокам, шевеление в центре. Им ничего не объясняли при отправке; на старте с Земли лишь только было оповещение, что летят в другую систему. О пункте назначения же, то есть о самой планете — ни слова. Многие предполагали, что место, в которое они навсегда определены — является удаленным от Земли и общественного мнения полигоном, то ли для испытания новейшего оружия массового поражения, то ли для изучения местной

фауны через скармливание оновой не лучших представителей человечества… а заодно, может быть еще и для того, что бы выяснить, способен ли человек выжить в совершенно нестандартных и сверхтяжелых для него условиях. Поэтому, черный господин вызвал бурю эмоционального «Хм»… или даже «Гм…». Он медленно приближался и сверток под мышкой убийственно похрустывал при каждом увесистом шаге отвратительным и сухим звуком твердой оберточной бумаги. Процессия приблизилась и замерла в трех метрах от группы. Сосредоточенный господин поднял глаза и упер буравящий до нутра взгляд в самого ближнего к нему заключенного. Автоматчики приподняли винтовки стволами кверху, наставив их поверх бритых голов. Немного дребезжащий, но уверенный в себе и усиленный через миниатюрное мегафонное устройство, что было закреплено на лацкане пиджака, голос черного господина произнес:

— Вы находитесь на планете Иремус-24. Отныне — это ваш дом. До ближайшей заселенной солнечной системы — я имею в виду Землю — пятнадцать с гаком парсек. Вы построите новое общество, как посчитаете нужным и правильным. Никаких контактов с материнской цивилизацией — за исключением особых случаев, которые описаны здесь.

И он вынул из подмышки сверток, протянув его переднему. Несколько долгих секунд угрюмо созерцая толстенный конверт, будто в нем запечатана пластиковая взрывчатка с часовым механизмом, узник сделал несколько неуверенный шаг вперед и аккуратно принял его из рук генерала.

— Свод законов, специально разработанных для вашего случая, которые вам надлежит исполнять безоговорочно и четко. Инспекция по соблюдению права будет высылаться в колонию каждые пятьдесят лет. Несоблюдение любой статьи уголовного и гражданского кодексов повлечет за собой необратимые последствия: ваш мир будет уничтожен, как не оправдавший своего назначения.

Выдавив горлом «хрм» и смачно сплюнув на оранжевый травянистый ковер, «черный» продолжал.

— Вы знаете, что всем из вас была изменена мера пресечения: вместо смертной казни пожизненное заключение, в то время, как такой меры наказания не существует в законе Земли…

Некоторая пауза, создавшая эффект присутствия для тех, кто отвлекся на непривычные виды окрестностей или не достаточно серьезно «въезжал в тему», что являлась на тот момент главным предметом всех помыслов обеих групп, повисла в воздухе, вычленяя из каждой секунды истошность и предчувствие, что

все гораздо хуже, чем предполагалось на старте с Земли. Черный генерал продолжал.

— Это было сделано специально. Вы — экспериментальная тщательно отобранная группа, что делится на две взаимозависимые — женскую и мужскую.

Он показал головой на женщин.

— Вам предстоит начать все сначала и создать мир без насилия. Закон у вас есть. Нужно только соблюдать его. Так же, вам придется выбрать себе юридическое лицо, которое изучит этот Закон, будет его хранителем и защитником, будет прокурором, адвокатом и судьей одновременно. Таков порядок вашего мира. Нового мира. Если у вас получится, то цивилизация, родоначальниками которой вы являетесь, станет самой передовой и высоконравственной цивилизацией галактики.

Некто из мужчин, которого звали Симпсон, остервенело подумал про себя: «какое мне к лешему дело до твоей сраной цивилизации, старый маразматик», однако вслух он произнес следующее:

— Уважаемый! … А никто из ваших умников, состряпавших всю эту галиматью, недопер до простой мыслишки, что плевать я хотел на всяких судей и тому подобную шушеру?! Я ведь этого законника так прищучу, что он… сначала в штаны наложит, а потом выдаст вашему проверяющему тот расклад, который мы ему вежливо предложим, ась?

«Черный» кивнул.

— Вы напрасно склонны видеть в оговоренном ответственном перед Землей лице «стукача», выражаясь на вашем сленговом жаргоне. Он будет защищать ваши же интересы и добиваться, чтобы приговор о пожизненном заключении не вернулся к своей отправной точке. Вы знаете, что благодаря последним достижениям науки вы можете продлевать свою жизнь до предела, который еще не вычислен — фактически… бесконечно. За свою провинность вы были лишены этого ПРАВА на Земле. Оно дается вам здесь.

В массе стоящих обеих групп пронесся тихий рокот то ли восторга, то ли недоверия.

— Каждые пятьдесят лет запас генетического сублиматора будет пополняться.

Гробовая тишина. Слышно как грибовидный лес рядом с поляной на которой они так удачно приземлились шуршит своими спорами.

— Сейчас будет избран координатор колонии. Вы успели узнать друг друга за месяцы перелета. Это должен быть уважаемый большинством человек. В мужской группе свой, в женской — свой. Вместе — они составляют единое координирующее звено. Есть вопросы?

Передний медленно доволок свою мохнатую длань до живота и через батник почесал грудь пальцами с давно не стриженными и угольными под кромкой ногтями.

— Нам нужно голосовать?

— Не обязательно. Может у вас уже есть кандидат?

Передний почесал в затылке.

— Нет. Откуда…

— Вы затрудняетесь?

— Вы же знаете, что мы общались друг с другом только на общественных работах… пока летели, нас подпрягали не слабо и…

«Черный» приподнял брови.

— Но мы практически не знаем друг друга!

— Хорошо. Проблему решу я. — Генерал поднял руку и сарделечным пальцем показал на Симпсона. — Ты.

Симпсон ценил хорошую шутку.

— Я? Ха! Черта с два! Какая мне радость корчить из себя президента? На зоне бывает когда и авторитета мочат… а здесь… нет уж… спасибо.

— А это и есть Зона. Только особого назначения. И вам, чтобы выжить, нужно чувство ответственности друг перед другом. Если Земля решит, что вы не оправдываете звание высоконравственной колонии, вас сотрут.

Кто-то из мужской группы визгливо крикнул:

— Интересно как?

— Скорее всего направленным ядерным ударом. Например. И это не важно — КАК. Важно, что вы под колпаком. Есть координатор. Будет «юрист» или иначе, «законник». Еще координатор-дубль от женской группы. Вот три лица, которым обязаны подчиняться все. То есть, «законник» подчиняется координаторскому

совету из двух лиц, а к мнению «законника» прислушиваются все остальные, в том числе и оба координатора. Но, если координаторский совет может проигнорировать мнение «законника», то никто из остальных колонистов — категорически нет. Однако, как поступать в различных спорных ситуациях колонисты решают сами. Если же дело доходит до рецидива… «законник» выносит вердикт согласно имеющемуся Закону. Никто не вправе противоречить «законнику» в этом.

Симпсона передернуло.

— А если «законник» неверно истолкует Закон и ошибется с вердиктом? — грызя въедливым взглядом распорядителя, язвительно поинтересовался тот.

Черный генерал на минуту смолк, будто собираясь с мыслями.

— При проверке в известный срок это недоразумение будет выявлено ревизором и «законник» понесет должное наказание, вплоть до высшей меры.

— Хм… Как выбрать «законника»?

— Даже если среди вас есть профессиональные юристы, это не имеет решающего значения. Все это в прошлом и планета, на которой вы находитесь — не Земля. Новый мир, новый порядок. — И пожевав мясистыми губами, продолжил. — Он выберет себя сам.

Сначала тишина, потом неясный гомон; потом приступ смеха у обеих групп.

Пока над поляной разносился истерический хохот, отдаваясь зудящим эхом в грибовидных зарослевых структурах близлежащего леса, похожего на сказочный колонный зал, погруженный во мрак в самой своей глубине… или даже на темный лабиринт без выхода, черный генерал не спеша проследовал к группе женщин.

Подойдя совсем близко и окинув беглым взглядом всех, остановился на одной — самой высокой и статной.

— Мне кажется вы подойдете на роль дубль-координатора.

Женщина вскинула тонкую бровь, задавая немой вопрос.

— Вы внушаете почтение, хотя, может быть это субъективно. Тем не менее — ВЫ второй координатор. Вам придется согласиться, потому что…

— Я согласна.

— Что ж. — Он повернулся на каблуках, оставив в грунте овальные рытвинки. Сочная оранжевая поросль полопалась, брызнув желтым соком. — Пора отправляться обратно.

Он окинул долгим взглядом обе группы, будто визуально соединяя их в одно целое.

— Будьте мудры. Вот все, что я хотел сказать напоследок. Вы дети новой Земли. Цените свой шанс изменить себя, свою жизнь и…

Генерал махнул автоматчикам.

— За мной.

Когда до трапа оставалось шагов пять, кто-то надсадно крикнул из толпы мужчин:

— А как «законник» будет устанавливать порядок, если нет полиции, а, мистер?!

Даже не оборачиваясь и не остановившись, черный генерал громко сказал, будто самому себе.

— Специальные роботы. Всё в контейнерах. Избравший себя законником должен включить их и сказать кодовую фразу: «Я — ЗАКОННИК Иремуса-24». Прощайте.

Трап опустел. Люк тут же задраился. Люди отступили на безопасное расстояние — ближе к лесу. Звездолет дрогнул. Вой поглотил все звуки мира. Из главной дюзы вырвалась колонна серебреного пламени, и ударив в грунт, толкнула все сто пятьдесят тысяч тонн в сереющее после дождя небо. Яркая линия. Шлейф огня. Ошметки сожженной растительности и гарь от спекшегося в угли грунта. Пустая поляна.

Многоголосье. Внезапно все осознали, что остались наедине с…

— Никто не хочет быть «законником»? — негодовал Симпсон, усевшись на землю и сплевывая себе под ноги. — Умники хреновы… со своими гребаными проверками. Так что, нет желающих?

— Вот же попали…

— Да-а-а… это вам не сопли на кулак мотать… выберет себя… ХА!

— А без этого нельзя?

— Сотрут… ты же слышал…

— Дерьмо…

— Да, ладно, как-нибудь выкрутимся.

— Ты что ли «крутить» будешь?

Многоголосье…

К Симпсону подошла женщина. Чуть склонившись над ним, протянула руку.

— Меня зовут Магда. Это настоящее имя.

— А не настоящее? — Сжав ее ладонь в своей, Симпсон поднялся с влажной земли.

— Я его уже забыла… если уж начинать все сначала, то…

— По-серьезному, — улыбнулся почему-то тот, — понимаю.

— Мы стали заложниками диких обстоятельств… но как знать… может это к лучшему.

— Конечно. Все, что не делается, именно к этому.

Он посмотрел с небольшим прищуром ей в глаза.

— С чего начнем, коллега? — Последнее слово он нарочито подчеркнул игривым пафосом интонации.

Магда оглянулась на людей.

— Нужно выжить.

— Делов-то, — съязвил Симпсон.

Ее рот загадочно приоткрылся, голова даже чуть запрокинулась. Во взгляде томился буйный норов покорительницы хищников. Укротительница змей, не иначе. Разводившая кроликов и скармливавшая их крысам.

— А ты Симпс, производишь впечатление отчаянного засранца!

— Это комплимент?

— Признание в любви… — А потом, захлопав над головой в ладоши она заорала: — Всё! Начинаем мобилизацию, жмурики! Кто не успеет разбить палатку — получает штрафное очко!

Многоголосье постепенно смолкло. Один из сотни улыбнулся.

— Уже есть штрафная система?

— Будет.

Один из мужчин повернулся к парню по имени Грейс.

— А это законно?

Грейс пожал плечами и поплелся вместе со всеми к контейнерам. Он знал, что больше закона — только совесть.

Через два часа наступили сумерки чуждого для этих людей, но уже их собственного на веки вечные мира.

Получив свое штрафное очко, Грейс с чувством выполненного долга лег спать. Палатка была универсальна — почти индивидуальное жилище, как собачья конура, только с подогревом и кондиционером воздуха, что мог бы уместиться на ладони. С душевой кабиной и низким потолком. Ошейники, то есть, кандалы поспадали с них в тот момент, когда посадочный люк звездолета наглухо задраился. А с таким задраенным люком такой звездолет — хуже крепости, что неприступна. Хотя… куда им лететь? Земля их отфутболила. Летели далеко и долго. Не зная чего ждать, боясь предчувствий. Следуя лишь невнятному принципу: «кто не верит в лучшее, тот не герой».

А кто герой, собственно?

Ну, все… довольно… спать… СПАТЬ.

Штрафное очко. Матерая ведьма…

Звезды. Как в узком иллюминаторе-щели камеры одиночки. А здесь окно — прозрачный сверхгибкий пластик. Небо… было серым. А стало чистым. А он — Грейс. Последний придурок, которого угораздило навечно вляпаться во все это инопланетное дерьмо…

Спать!

II

Солнце «Иремуса» имело красноватый оттенок, как иногда бывает на земле во время заката. Очкарик Ирви, который до того как свихнуться у своего телескопа

и спалить собственный дом вместе с женой и двумя детьми, был астрономом. За месяц до того, как случилось это трагическое событие, у него внезапно развилась теория, что Земля скоро будет затянута черной дырой; да и вообще — вся вселенная. Чердак и съехал у парня. Сначала в башке, а потом на мансарде дачного коттеджа, где он держал свои телескопические причиндалы. В общем, обсерватория «звезданулась». Искать его, правда, не искали — сам пришел и чистосердечно истерично признался. Да, не хотел он семью жизни лишать! Хотел лишь похоронить в огне свои астрономические идеи; а может небо спалить нахрен со всеми его звездами… Аффект же! Признали вменяемым, адвокат оказался профаном. Так и не смог доказать, что в действиях бедолаги не было умысла: и законсервировали Ирви по самые яйца. Дети-то не от него были… о чем он прознал как раз в то время, как Землю начало куда-то затягивать. Вот такая история. Здесь у каждого наподобие. Есть и похлеще.

Так вот, этот Ирви сказал как-то Грейсу, что солнце их не солнце вовсе, а красный гигант. А Магда однажды пошутила на общем собрании колонии, что от этого светила веет запахом кровищи. Символично. Даже самый источник жизни пропитан здесь смертью, и излучает свои кровавые лучики прямо им всем на головы… Смирились — а что делать? Только все-таки неприятно смотреть в его сторону. Холодеет как-то все в нутре, индевеет. И накатывают воспоминания, которые все стараются затолкать поглубже в самую подкорку.

Через месяц палатки начали сменяться домами. Деревья «грибного» леса оказались вполне подходящей для этого древесиной, пористой, но прочной и не пропускающей влагу, если обработать стволы клейкой желтой массой, которую выделяла оранжевая травяная поросль. Рылись котлованы под новые жилища, на реке, что протекала совсем недалеко от поселка, уже трамбовали плотину для будущей электростанции. Среди колонистов обнаружились люди, которые умели проектировать и строить. Нужно было создать не просто видимость цивилизованного быта, а самое настоящее и реально самобытное маленькое сообщество, которому нипочем ни красный гигант со своими наводящими тоску лучами, ни пакости природы в виде местной фауны, которая почему-то не доросла даже до средних размеров и норовила потеснить колонистов в их новых жилищах, заползая во всевозможные щели; и ничто иное, могущее нарушить уже назревающую идиллию обещающего быть прекрасным и даже исключительным мира.

Были врачи, учительница младших классов… была даже певица — неизвестная на Земле и совсем провинциальная, но здесь у нее были серьезные шансы.

Вот только не было Закона.

Когда отстроили административное здание, Симпсон с двумя помощниками втащил в свой кабинет несгораемый сейф, что ожидал своей очереди в одном из контейнеров, которые постепенно опустошались изо дня в день, отдавая колонистам свои драгоценные внутренности… и открыв его, торжественно зашвырнул так и не распечатанный пакет с Книгой Закона на нижнюю полку. Потом захлопнул его дверцу.

— А шифр? — поинтересовался один из помощников.

— От тебя, что ли?

На этом вопрос был исчерпан.

Пока шел процесс бытового строительства, Магда с Симпсоном порешили, что необходимо ввести запрет на дела амурные. Никто из колонистов до особого распоряжения не имел права «класть глаз» на противоположный пол и предаваться не то чтобы вволю, а совсем никак основному инстинкту. Нежные чувства были отодвинуты на потом. Кое-кто из мужской половины возмущался поначалу, видимо заранее углядев для себя подругу и уже предвкушая ухаживания, но гомон быстро стих, когда в очередной раз Магда напомнила о штрафной системе. Чем могли быть чреваты эти штрафные баллы никто еще не понял, да и сами координаторы пребывали в некоторой неясности на этот счет… но минус, это минус, как ни крути. Вдруг, эти штрафы приурочат к праву получения дозы генетического сублиматора? Порядок-то здесь новый, да, к тому же, еще не сформировавшийся как подобает в цивилизованном обществе. Все ощущали острую нехватку Закона. Но вопрос о «законнике» так и повис в воздухе. На собраниях это не обсуждалось — будто все молча сговорились не трогать эту тему. Дни шли за днями. Сумбурный, но диктуемый необходимостью и обстоятельствами порядок диктовался координаторским советом из двух человек.

Так прошел год. Поселок восстал из земного праха и звездной пыли, освещаемый и согреваемый лучами красного солнца. Когда начали строительство общей сауны и больницы, наконец, было снято табу на интим. Поселок в считанные часы превратился в Содом. Еще в самом начале, когда только первые стволы «грибных» массивов обрабатывались желтым клеем, выжимаемым из оранжевой травы, кто-то из особо одаренных попробовал гнать из него брагу. Эксперимент удался, да и химические пробы показали безвредность щипавшей язык влаги, что имела слабый солевой привкус, а цветом напоминала ослиную мочу. Тем не менее, снятие «запрета на дыхание» отмечали с размахом и смачно. Никто не заметил одиночества Грейса. То ли он принадлежал к нетрадиционной сексуальной ориентации, то ли просто не

прельстил никого из представительниц нежного пола… семь дней и ночей, что длилась вакханалия невоздержания, он бродил по нехоженым прогалинам «грибного» леса, под его подошвами лопались с тихим шуршанием споры, ему на голову сыпались насекомые. Заходить в самую лесную чащу, из которой таинственно и тяжко вздыхал грибовидный массив, хотя бы ради детского интереса — не решался, поскольку природа планеты была еще не изучена. О чем он думал — неизвестно. Но к восьмому дню, изголодавшийся окончательно и осунувшийся Грейс появился на окраине поселка и решительным шагом направился к центральной площади, которая служила бартерным рынком для колонистов: на ее краю стоял последний не распотрошенный и не разобранный на части контейнер — он хранил в себе Силу Закона, которого до сих пор не было на этой новой земле.

Отворить запор и раздвинуть массивные створки железных дверей было делом минуты. Надвигался вечер. Крылатые бестии, похожие на кузнечиков, скакали в траве, иногда выскакивая из нее и допрыгивая до лица, шурша и попискивая невыносимым для Грейса образом. И смахнув с головы наглую тварь, тот, вдруг увидел панцири автоматических механизмов. Конечности специальных роботов были спрятаны в этих панцирях. В этот момент Грейс почему-то почувствовал себя странно; ему неожиданно почудилось, что он совершает преступление.

Но отвернуть он уже не мог. Блуждание в полнейшем одиночестве по шуршащим спорам и по окраинам кажущегося страшным леса довело его рассудок до предельной точки. Грейс вошел внутрь. До его слуха донеслись откуда-то издалека, приглушенные шелестом травы и гулко зудящим эхом окружающей чуждой природы, сладострастные женские возгласы. Вобрав в легкие побольше воздуха и расправив плечами осанку, он подошел к первому роботу. Несколько тягучих минут искал на панцире механизм привода, кнопочную панель или какой-нибудь рычаг. Ничего похожего не обнаружив, со злостью долбанул ногой раздутый в три обхвата панцирь.

— Сволочь. — Только и смог прошептать Грейс.

Из глубины панциря донесся гудящий отзвук. Что-то толкнуло Грейса в самое сердце и он приложил горячие ладони к стальной поверхности машины. Глаза закрылись сами собой. Язык, казалось, опух и налился тяжестью, мешая сказать. Несколько секунд титанических усилий. Рассудок стойко боролся с чем-то невнятным. Грейс шумно выдохнул.

— Я законник Иремуса-24.

Слишком тихо. Его горло будто налито свинцом. Еще раз.

— Я ЗАКОННИК ИРЕМУСА-24!

— ПОНЯЛ ВАС.

Механизм дрогнул всей металлической массой. Высокотональный искусственный голос изошел откуда-то из самого центра махины. Потом из-под низа выплыли опорные стойки; панцирь раскрывался подобно двустворчатой раковине. Грейс спешно отошел к выходу, боясь происходящего и сдержанно ликуя по непонятной до конца ему самому причине. Меньше двадцати секунд — трансформация завершилась. Перед человеком стояла машина, наделенная искусственным разумом и нечеловеческими возможностями. Три опорных лапы. Они держат чашеобразное основание, на котором засел похожий на шар, выпуклый со всех сторон и защищенный все тем же панцирем, мозговой центр робота. Манипуляторы, видимо, спрятаны в корпусе. Интересно, есть ли у него оружие?

Минут пять Грейс внимательно разглядывал распаковавшего себя стража Закона, постепенно ощущая как внутри утихомиривается волна ликования и немого восторга. Нужно было решать, что делать дальше.

— Что ты умеешь?

Гулкий и насыщенный металлическим отзвуком голос изрядно действовал на нервы, что Грейс уже успел отметить.

— Все, что необходимо для защиты Права.

— Что ты знаешь о праве?

— Только то, что сочтет нужным дать мне познать Законник.

— Сколько вас?

— Не понял вопроса. Повторите.

Грейс хмыкнул и сжал зубы.

— Сколько специальных роботов в этом контейнере?

— Семьдесят четыре, кроме меня.

— Ты главный?

— Да, потому что был активизирован первым.

— Ты можешь разбудить остальных?

— Да.

— По радио?

— Да.

— Сделаешь это по моему особому приказу.

— Понял вас.

— Сейчас я пойду спать, я очень устал. Утром будь у входа в здание мэрии. Найдешь?

— Я умею ориентироваться на любой местности.

— Хорошо.

— В какой час я должен быть у мэрии, Законник?

— В девять.

— По временному режиму Земли или Иремуса-24?

— «Иремуса», разумеется, болван!

— Понял вас.

Грейс развернулся и пошагал к своему коттеджу. Наступали сумерки. «Кузнечики», предчувствуя ночь, бесились все неистовей.

Конечно, Симпсон ни в коей мере не склонен был думать, что округлый металлический истукан на трех гнущихся в нескольких местах стойках, возникший у входа в главное здание поселка, не иначе как самый поразительный «глюк» в его жизни. Хотя, после недельного запоя можно было сильно и не сопротивляться естественному ощущению от увиденного. Совсем нет. Он так сразу и понял, что автоматическая махина — представитель Закона; однако, само по себе, это механическое чудо выползти на свет не могло: явно кто-то набрался хамства и приложил к этому руку. Оставался нерешенным вопрос — КТО.

— Интересно… — Только и смог хрипловато выдавить из себя Симпсон.

— Куда уж интересней.

Он повернул голову. Магда подошла сзади и замерла рядом с мужчиной, экспрессивно скрестив оголенные руки на груди и с внимательным прищуром взирая на робота.

— С другой стороны нам нужен «законник», а, Симпс? — она посмотрела на него.

Симпсон пожал плечами.

— Может, да. А может и нет. Пока обходились.

— Дело не в нас, координатор, дело — в проверяющем, который свалится нам на голову через сорок девять лет. И спросит: где «законник»? Давайте его сюда! Где отчеты, документация по судебным тяжбам и тэ-дэ и тэ-пэ.

— Справедливо. — Больше сказать тому было нечего.

Магда опять уставилась в механического стража.

— Интересно… он вооружен?

— Скорее всего… и оружие его срослось с внутренностями, так что попросить на часок самострел, чтобы поохотиться на бабочек — не получится.

— Как думаешь, лазеры или автоматическое, традиционное?

— И так… и так, вероятно. Да один его вид хуже ядерного взрыва. Придумают же…

Симпсон сплюнул.

— Мы чего-то ждем? — Огляделась вокруг Магда и остановила свой проникновенный взгляд на мужчине.

— Кого-то.

— Хочешь угадаю кто?

— Ну?

В этот момент они заметили Грейса. Он шел со стороны жилого сектора по центральной улице, которая прямиком упиралась в самые двери мэрии, быстро перебирая ногами, как заправский спринтер скоростной ходьбы. Из-под подошв поднимались облачка пыли. Издали это напоминало шествующего по облакам ангела, который ищет свои потерянные крылья.

— Угадала? — поинтересовался Симпсон.

— Уже не важно. Сейчас будет торжественное вручение полномочий. Вместе с Книгой Закона. Может пока сходишь за ней?

— А может это не он.

— Значит, один из нас. Больше в такой час и с таким доводом, — она показала головой на истукана, — у мэрии делать нечего.

— Ладно, иду. — Махнул оголенной до локтя по причине закатанного рукава, и изрядно волосатой рукой, Симпсон, расслабленно двинувшись к дверям.

«Законник» уже настигал их.

— Что-то случилось, Грейс?

Тяжело дыша, как загнанный мерин, тот остановился, не дотянув до женщины десяти шагов.

— Я…

Магда оценивающе оглядела его с головы до ног. Потом медленно, будто испытывая нещадное сопротивление воздуха ее взгляд поднялся к глазам молодого человека.

Грейс сглотнул, с усилием заставив себя не отводить глаз.

В его груди копошилось никогда не покидавшее гнездилища скопище червеобразных ощущений приторности момента. Губы разлепились.

— Я решил, что… кто-то… должен быть… Законником.

Брови Магды приподнялись, делая выражение ее красивого лица излишне удивленным.

— Да-а? И… кто же это?

Грейс, который был моложе ее лет на восемь, потупил взор. Потом встрепенулся и его взгляд вспорхнул к глубокой бездне серо-голубого неба.

— Я.

Взгляд опустился и нашел смеющиеся глаза женщины.

Вышел Симпсон, держа в сильных руках желтоватый сверток. Неторопливо подошел к ним. Остановился. Внимательно посмотрел на юношу.

— Мы уважаем твой выбор, Грейс. На тебе теперь лежит ответственность, которой вряд ли бы пожелал обремениться любой из колонистов. Это смелый шаг. Ты изучишь Закон и будешь его Хранителем, как и завещал распорядитель… Но главное… не изучить… ты понимаешь?

Грейс едва заметно кивнул, примагнитившись взглядом к координатору.

— Главное, — продолжал Симпсон, — понять его правильно… Мне бы не хотелось, чтобы была допущена досадная ошибка в распределении и учете прав, в судебных делах… и прочее. Я не сильно грамотен, Грейс, но я немного пожил и кое-что повидал. Жизнь часто кажется простой, когда забываешь, что эту простоту творит сложное стечение обстоятельств.

— Мне думается, я понял вас, мистер Симпсон.

Грейс кашлянул в кулак, а затем открыто посмотрел поочередно в глаза обоим координаторам своим ясным юношеским взглядом.

— Никаких клятв, разумеется. Главное мерило правильных действий — совесть.

— Я знаю это, мистер Симпсон.

Координатор, казалось, замялся. Потом протянул Грейсу пакет.

— Больше мне сказать нечего. На твоей стороне Сила, — он кивнул на боевого робота, — распорядись ей по-человечески.

Он посмотрел на Магду.

— У дубль-координатора есть что добавить?

Та поджала плечами скрещенных на груди рук застрявший в горле комом порыв словесного пафоса.

— Лучше тебя не скажешь, — наконец, произнесла она.

— Здание Суда будет отстроено через месяц. По правилам — так по правилам. — Подвел завершительную черту диалога Симпсон.

Магда, освободив руки и взъерошив на голове копну волнистых рыжеватых волос, для чего-то приспустив взгляд и внимательно посмотрев себе под ноги, прошла между мужчинами и двинулась прочь от мэрии по той самой центральной улице.

— Мне нужно на рудник. Там вчера завалило Рудольфа. Еле откачали. Разбираюсь вот теперь с соблюдением безопасности работ. Пока.

Симпсон некоторое время как-то пространно смотрел ей в спину.

— Сама не завались…

Не оборачиваясь, Магда подняла над головой левую руку.

— Мой отец был шахтером. У меня наследственное чутье.

Симпсон слабо улыбнулся и отвел взгляд. Посмотрел на верхушку почти скрытого за домами лесного массива, что темнел вдалеке.

— Начистоту, Грейс… за что тебя осудили?

— Убийство.

— Знаю. Здесь все такие. Я спрашиваю о другом. Судебная машина иногда дает сбой и карает невиновного. Ты совершал то, за что мог быть умерщвлен?

Грейс молчал некоторое время. Симпсон перевел испытующий взгляд на «законника».

— Нет. — Наконец, будто с усилием произнес тот.

Симпсон помолчал.

— Помни о совести, парень.

Затем он направился к зданию.

— Да… — Симпсон на секунду приостановился и махнул рукой в сторону, — и убери с площади эту махину. Тоску наводит.

Грейс молча кивнул, ощущая внутри гудящий все сильнее горячий пламень триумфа. Он никогда не был больше самого себя. Теперь он чувствовал, что такое возможно. Он становился тем, кем никогда не был, кем невозможно быть по природе вещей. Никому.

Но ощущение острого и опьяняющего даже восторга внушало обратное. Возможно. Доступно. Реально.

Но он будет мудр. Он не даст слепой силе одержать верх над рассудком, над разумом.

Это будто второе рождение. Не через плоть, а иначе… возвышенней и — весомей, основательней. Ощущение власти над Законом…

Или нет. Не так. Обладание Законом — так сказать будет правильней.

Он махнул роботу рукой.

— Идем к моему дому. Будешь сторожить.

— Понял вас.

Грейс кивнул. То ли себе, то ли машине.

— Я научу тебя новым правилам.

— Понял вас.

Автомат медленно передвигался, плетясь за хозяином по пыльной дороге поселка, которая разделяла на два сектора вытянутый в сторону леса жилой массив.

— И отучу, пожалуй, от «понял вас».

— Понял вас.

— Ничего ты не понял, дубина.

— Не понял вас. Повторите.

Но Грейс не произнес более не звука. Скоро они подошли к его жилищу. О чем думал новоиспеченный «законник» было не до конца понятно даже ему самому.

Автоматический страж замер на углу коттеджа и погрузил свои электрические внутренности в инертный летаргический сон. Ему нужен только сигнал извне, даже невнятная команда голосом Законника, и он немедленно придет в активность. И начнет действовать.

Уже поднимаясь по ступенькам веранды, Грейс, вдруг, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Забыл совсем: как ознакомиться с документацией по использованию… специальных роботов?

Истукан ожил и ответил металлическим тембром:

— Я могу передать схемы устройства и инструкции по применению вам в мозг — телепатически.

У Грейса медленно отвисла челюсть.

— Ничего себе. А… мысли ты тоже читать можешь?

— Человеческая мысль сложна. Нет.

— Хм… — подвигал бровями Грейс, — было бы забавно.

Он поднялся еще на одну ступеньку. Опять остановился. Посмотрел на шаровое трехногое исчадие собственной дерзости.

— Давай свои схемы. Только не все сразу.

— Я повинуюсь вашей мысли, «законник», вам определять последовательность передачи образов.

«Повинуюсь вашей мысли…»

— Ты же сказал, что человеческая мысль…

— Направьте ее на меня — этого достаточно, чтобы я смог смоделировать ретрансляцию исходящего от вас смысла в своем мозге.

Грейс поднялся еще на одну ступеньку.

— Мы сработаемся, машина… обязательно сработаемся. Я — Законник планеты…

Его глаза прикрылись в непривычном для рассудка экстазе.

Потом его трясущиеся от возбуждения руки толкнули окованную металлическими пластинами дверь. На ней не было замка. На Иремусе-24 не было воров. Эта планета стала надежным пристанищем убийц.

III

— Да, на хрена нам церковь, Мус? — негодовал уставший и пропитавшийся за день пылью и по́том Симпсон. — Люди хотят избавиться от всего, что им напоминает прежний мир. Хотят стать другими от самого корня. Потом… у нас даже Библии нет…

— Все так, координатор… Но среди колонистов есть ведь и верующие. Их немного, это правда… но разве желание одного не является желанием большинства?

Симпсон насупился. Он и вертлявый молодой верзила по имени Мус шли вдоль только что вспаханного поля, которое планировалось засеять зернами гречихи. Экспериментально было уже подтверждено, что эта Земная культура приживается на местной почве.

— А вот, гречиха, например, — не унимался Мус, — с Земли ведь!

— Это другое дело, — проворчал Симпсон, — наши организмы генетически адаптированы к такой пище, она нам жизненно необходима хотя бы на первых порах, пока не произойдет окончательное привыкание к местной среде.

— А духовное… оно может быть еще более жизненно необходимо, чем телесное!

Мус смолк. Он казался задетым за самое живое. Некоторое время они шли молча, пока не поравнялись с группой пахарей. Те свинчивали с землеройной техники притупившиеся ножи. Солнце, окрещенное «Авророй» за свое временами странное поведение, которое выражалось в непонятном наплывном мерцании света красной звезды (хотя, это могли быть чисто атмосферные явления), медленно и величественно закатывалось за горизонт. Световой день на «Иремусе» был несколько короче Земного.

— Как техника, работает?

Механизатор по призванию Ганс, мужчина тридцати двух лет, поднял на Симпсона всегда чему-то удивленный взгляд серо-зеленых глаз, пытаясь одновременно скрутить с куттера последний нож.

— Еще век проработает! Надежней не бывает.

Симпсон удовлетворенно кивнул. Все так же молча оба мужчин проследовали далее по дороге ведущей прямиком в поселок.

— У нескольких пар скоро будет прибавление, — нарушив тишину молвил Мус. — Они желают скрепить свои отношения узами брака.

Симпсон остановился. Сильно прищурившись, посмотрел на красного гиганта, что уже прикоснулся к горизонту нижним обводом своего пылающего заревом круга. Сморгнув пару раз, посмотрел на въедливого Муса.

— Что говорит «законник»?

— Говорит, что так записано в Законе: «желание одного должно стать желанием большинства, если это может служить общим интересам в плане успешного развития колонии в социальном и прочих аспектах, что перечислены в Приложении 256 дробь 17 настоящего гражданского кодекса».

Координатор хмыкнул.

— Специально заучивал, что ли?

— Специально, не специально… а на память пришлось.

Симпсон кивнул, делая шаг.

— Все верно. Только остается выяснить, насколько необходимо то, что ты предлагаешь для социального и прочего… — он поднял брови, «втащил» взгляд в переносицу товарища, будто провалил его в оба глаза собеседника.

— Люди не могут существовать без возвышенного!

— Ты имеешь в виду церковь?

— Я имею в виду храм Божий.

— А Библия?

— Я помню ее наизусть. В прошлом я пастор, ты же знаешь.

— Угу. Знаю. — Симпсон то внимательно смотрел на исчезающую вдали серую и местами вихляющую ленту дороги, то бросал беглый взгляд себе под ноги, будто соизмеряя расстояние, которое оставалось пройти до поселка.

— Чего ты конкретно хочешь, Мус?

— Хотя бы часовенку…

— Хорошо, будет тебе часовенка. Все?

— Ты хороший человек, Симпсон.

Тот тихо рассмеялся.

— Хороших много, Мус. Не бывает лишь лучших.

— Гм… это ты о чем?

— Так… мысли вслух.

Весь оставшийся путь Мус рассказывал координатору о Боге.

Время неумолимо… необратимо… ценно. Катастрофично, когда его мало. Незаметно и вольготно, когда его много. Главное же то, что оно — вне всякого закона.

Не доступно теории. Мысли. Чувству.

И, тем не менее, время можно измерять.

Настала пятидесятая годовщина колонии «Иремус-24». Со дня на день ожидалось прибытие ревизии. Вокруг царило непривычное, не свойственное совсем городу оживление. Возбуждение даже. У некоторых беременных женщин возникло тревожное ощущение, навеянное памятным событием первого дня на этой планете, когда «черный генерал», воодушевляя на новую жизнь, предупредил о возможных санкциях. Забылось как-то все это за половину, пролетевшую совсем незаметно, столетия. Затерлось впечатление от того серого, еще пахнущего сыростью земли после прошедшего ливня, дня; от теснящихся в груди надежд на лучшее и опасений неизведанного.

Население колонии увеличилось в три раза, поселок давно стал «старым городом», потому что на прибрежной линии реки, чуть выше по течению и в значительном отдалении от гидроэлектростанции, вырос застроенный всего только пятью высотными домами спальный район нового островка цивилизации. Когда-нибудь здесь будет большой город, мегаполис, столица, самый центр планеты… пройдут тысячелетия. Родятся новые люди. Вырастут, и смело ступят в счастливое завтра. Они будут мудры и прозорливы, будут желать друг для друга только самого лучшего. Да что там! Разве это не вполне естественно для разума? Быть больше тягот и невзгод, быть существенней того, что лишь кажется справедливым, и что на деле является порождением рассудочных излишеств. Люди стараются быть людьми, даже когда над миром маячит призрак «человека в черном». У него под мышкой бумажный сверток, в котором запечатана Книга Начал… Ее нужно прочесть. Между строк притаился каверзный смысл. Его следует либо понять — либо…

Симпсон поднимался по гранитовым ступенькам здания Суда. Массивные высокие двери отразили его фигуру в зеркальных пластинах белого металла, который был когда-то добыт из недр планеты. Это ценный металл. Он эквивалентен Земному золоту.

Потянув толстую рукоять правой двери на себя, Симпсон почувствовал как полтонны дерева и железа плавно поддались его незначительному усилию,

толкаемые гидравлическим приводом. Прежде чем войти в открывшийся проем, координатор безучастно посмотрел на застывшего у правой стены стража Закона. Эта фигуристая глыба металла торчала здесь без движения двадцать восемь последних лет, с того момента, как было отстроено новое здание. Будто статуя. Памятник экспрессивному рационализму, негласно говорящий: «всяк проходящий мимо, помни — ты тоже ДОЛЖЕН осознать важность Системы».

Симпсон пожал плечами. Страж порядка упорно молчал. Может потому, что человек у него ничего не спрашивал? И никогда не спросит. А зачем?

Навстречу координатору выходил из-за поворота широкого коридора сам «законник». Симпсон отпустил рукоять двери, пропуская Грейса наружу.

— Есть какие-то новости?

Грейс кивнул.

— Радиостанция заработала. Проверяющий прибудет завтра. К полудню.

— Предполагаешь, что можно ждать от него?

Тот покачал головой.

— Трудно сказать. Знаю только одно: Закон исполнен так тщательно и скрупулезно, как только это возможно.

Симпсон потрогал пальцами свой заросший щетиной подбородок.

— Надо побриться, — буркнул он, будто обращаясь к самому себе, а потом повернул голову к Грейсу. — В обоих кодексах есть статьи, которые не согласуются между собой.

— Я всегда учитывал это. Думаю, мое толкование права было верным.

— Ну, что ж… тебе видней.

Симпсон уже спустился на три ступеньки, но остановился, вдруг, и приподнял голову, некоторое время без всякого выражения глядя в глаза «законнику».

— Меня все-таки тревожит директива.

— Та, что в конце?

— Угу. Как там… «Применять только в ситуации «Z». Что это может быть?

— Я много думал на этот счет… и остаюсь при своем мнении.

— Странно, что в Книге нет хоть какого-нибудь объяснения на счет этого самого «Z». Наводит на плохие мысли… А, Грейс?

Симпсон прищурился, будто вместо Грейса пылало как минимум светило «Иремуса». Потом он поджал губы и не прощаясь двинулся прочь от здания Суда. «Законник» провожал его долгим задумчивым взглядом, пока координатор не скрылся за высотными строениями.

На следующий день на ту же самую поляну, как и пятьдесят лет назад, сел звездолет. Оба координатора и «законник» прибыли заранее, ожидая приземления высокопоставленной комиссии на краю поля. Раскаленная обшивка корабля остывала около получаса. За это короткое время к месту посадки успело стянуться почти все население колонии. Среди встречающих обнаружились даже женщины с грудными детьми.

Через полчаса из корпуса выполз трап и стукнулся глухо о землю своим основанием. Посадочный люк провалился внутрь корпуса, и из темного овального проема показалась мужская фигура спортивного вида. Сам проверяющий? Нет… охрана. Еще один. Вооруженный эскорт спустился по трапу и, сгруппировавшись, застыл в ожидании. Все затаили дыхание.

Проверяющий…

Человек в черном.

Коричневые ботинки.

Подмышкой сверток…

Симпсон вышел навстречу. Магда, в виду важности мероприятия, решила составить ему кампанию. Это была почти миссия: встретить вершителя со всей доступной им помпезностью. Процессия приближалась. Грейс не мог отвести взгляда от таинственного свертка, что был зажат в руке ревизора. Его глодало невнятное предчувствие. Скопище червеобразных ощущений приторности момента закопошилось в самом сердце, придав его биению особую гулкость. Оно стучало в висках. В пульсах. В ногах. Везде.

Все эти годы Грейс жил с этим ощущением, боясь признаться в нем самому себе. Момент триумфа и немой восторг поглотили мямлящий голос разума.

Руки проверяющего и координатора соприкоснулись в дружественном пожатии. С особым чувством ревизор пожал руку Магды. Даже улыбнулся. На лацкане его черного пиджака было прикреплено миниатюрное мегафонное устройство.

— Если в этом мире обитают такие красивые женщины, то думается, с этим миром должно быть все в порядке.

— Вы шутите, магистр. — Ответила по-свойски на комплимент ответственного лица дубль-координатор.

— И да. И нет. Сегодня особый день. Нам нужно решить очень важный вопрос.

Симпсон подался вперед.

— Жить... ли... колонии?

— Его можно сформулировать и так. Все зависит от того, соблюдался ли Закон.

Симпсон как-то облегченно выдохнул. Магда же, наоборот, задержала дыхание на несколько мгновений. Ей что-то почудилось в словах ревизора. Что-то не настоящее. Но это не выразить. Это что-то подсознательное…

— За это можно не беспокоиться, мистер…

— Трэвол. Макс Трэвол.

— Мистер Трэвол. У нас есть «законник».

— Вот как?

Пауза, которая явно затягивалась, уже вынудила Симпсона занервничать.

— Хорошо. Мне нужно ознакомиться с вашими достижениями во всех областях.

— Мы достигли успехов в…

Ревизор остановил Симпсона движением руки.

— Я устал от перелета. Мне нравится ваша природа. Я хочу познакомиться с вашими людьми.

— Конечно, мистер Трэвол. Идемте.

Так начинается новый виток истории. Так заканчивается испытание духа.

В каждом мгновении живет призрак необратимой перемены.

Из этого состоит жизнь. В этом ее соль и заложенный невероятностью принцип.

Двенадцать суток проверяющий осматривал город, побывал во многих домах, посетил аграрный сектор и промышленный. Многим остался доволен. Кое-где

указал на отставание от Земного прогресса.

— Я привез вам новые технологии. Возможно, они понадобятся вам.

«Возможно» — Симпсон напрягся всем телом. Что это за кошки-мышки, в самом деле? Эти прозрачные и пространные намеки проверяющего за двенадцать дней обнаружили в Симпсоне (чего он никогда в себе не подозревал) изрядную нервозность.

О «законнике» ревизор так и не спрашивал за все время экскурсии. Лишь когда уже смотреть стало нечего, Макс Трэвол потребовал аудиенции, которая и состоялась тут же в здании Суда, в личном кабинете Грейса, инкрустированного тем самым металлом, которым были обшиты массивные двери Храма Законности.

Они говорили всего десять минут, после чего проверяющий вышел из здания, и сопровождаемый телохранителями направился в сторону «космодрома».

Симпсон пытался нагнать его, что-то спросить.

Тот лишь отмахнулся. Охрана оттеснила координатора назад.

Сломя голову Симпсон кинулся к Грейсу.

Влетев в кабинет, он упер свои громадные кулаки в лакированную столешницу, хмуро глядя в бегающий и не находящий себе места ошалелый взгляд «законника».

— Что он сказал тебе?

— Я не могу…

Грейса трясло. Блуждающие руки шарили по столу, будто ища какой-то очень важный предмет, которого на столе явно не было. На нем лежал только сверток, обычный почтовый конверт, вздутый содержимым и тщательно заклеенный.

Вошла Магда. Оценив кабинетную сцену, она подошла к столу и, взяв с него графин, выплеснула его содержимое в стакан. Протянула Грейсу.

— На, выпей. Успокойся. И просто скажи: что тут у вас произошло?

Стуча зубами о стекло и пытаясь что-то произнести, Грейс пролил большую часть жидкости себе на костюм. Стукнув стаканом об стол, и крепко сжав его в ладонях, шумно задышал, пытаясь привести себя в норму. Наконец, поднял на обоих координаторов растерянный, растерзанный, почти обреченный взгляд.

— Ситуация «Z».

Магда с Симпсоном переглянулись.

— Что с этой ситуацией? — Громыхнул баритоном Симпсон.

— Помнишь… помнишь, я говорил тебе… то есть, мы спорили, что может означать эта приписка… эта директива в конце Книги?

— Помню, разумеется. Как вчера…

— Так вот… — Грейс скрипнул зубами, его голова поникла, потом он снова взметнул свой терзаемый противоречиями взгляд на присутствующих. — Я всегда был уверен, что «Z» может означать только переход к новому началу… Что в самом знаке? Две параллельные линии, соединенные третьей: от конца одной к началу другой. Параллельный путь развития, но начатый как бы заново…

— Мы это обсуждали не раз. Помню. Дальше-то что?!

— Я был уверен, что это как раз и касается нас всех, что ситуация «Z», это та самая ситуация в которой мы все находимся…

Магда опустила свой роскошный зад на край стола. Время щадило ее, она оставалась моложавой и эксцентрично дерзкой в своем женственном образе, хотя, разумеется, вполне логично было бы предположить действие генетического сублиматора… но женщине так хотелось думать, в тайне и от близких подруг (которых у нее не было, к слову), что дело совсем не в химии «парагенезиса».

— А что… все оказалось сложней… на деле?

Грейс помотал отрицательно головой.

— Скорее… проще.

— Давай не тяни, Грейс. Нужно немедленно разобраться в этом. Если допущена ошибка, нужно ее исправить.

Совершенно пустым взглядом Грейс посмотрел на говорившего.

— Уже… ничего… не… исправить.

— Ты бредишь. Давай выкладывай!

— Хорошо. Хорошо. Сейчас.

Грейс начал энергично массировать ладонями лицо. Когда он отнял от него руки, оно стало таким красным, что его можно было бы спутать… наверное, с харей заядлого алкоголика, но «законник» не пил вообще, им не с чем было бы сравнить; разве что с задом макаки. Но, однако, ни Симпсон, ни Магда не увидели в данном обстоятельстве ничего особо необычного в образе Грейса. Приблизительно таким же он предстал им в тот первый день своего воздвижения в титул. А может дело в том, что Грейс всегда был для них… «человеком без лица»? В любом случае сейчас они не смотрели, а слушали на пределе внимания.

— Он сказал, — Грейс имел в виду ревизора, — что знак «Z» олицетворяет цикличность развития. Сплюснутая спираль.

— Что значит сплюснутая? — поинтересовалась Магда.

— Это… олицетворяет наше общество, развитие которого подобно такой спирали. Мы ущемлены в правах на жизнь — вот в чем вся штука. Нас перебросили на эту планету с одной целью: выяснить, сможем ли мы, люди с чудовищным прошлым, создать зачаток совершенной цивилизации.

Симпсон отрывисто кивнул.

— То, что мы подопытные кролики, мы это знали и раньше. В чем основная суть?

— Только в том, что… нам нужно было создать общество… НЕЗАВИСИМОЕ ОТ ЗАКОНА!!!

Глаза Магды расширились до самого предела, сделав этим ее лицо еще более привлекательным.

— ТО ЕСТЬ?!

Грейс судорожно сглотнул.

— Книга Закона предназначалась только лишь для ситуации «Z», для переходного периода, когда общество становится нестабильным на всех планах и ему нужна конкретная, хорошо продуманная для таких случаев, система… правового выбора. Это очень сложно… Эта программа разрабатывалась на Земле более тридцати лет всеми передовыми институтами права и социологии…

Грейс опять сглотнул.

— … А так же психологии…

Вытер ладонью щеку, будто убирая след слезы, но он не плакал. Скорее то была неосознанная попытка закрыть лицо, спрятаться от действительности.

Вяло и с надрывом в голосе, местами сбивчиво, продолжал:

— Они… они… хотели… то есть планировали… вернее, правительственный конгломерат Земли… этот сублимат Социальных Комиссий… то есть, там все очень серьезно… а… — сошел на расплывчатый крик, будто сглотнул сказанное, но вырвалось непреднамеренное сожаление кратким возгласом… — а… значит… планировали сделать эту планету исправительной колонией нового формата… чтобы… сюда поступали… и перевоспитывались здесь… а…

— Подождите! — Симпсон отнял кулаки от стола и упер их в бока. — Тогда, в самом начале, «черный» сказал, что нам нужен «законник»… (ничуть не впечатлившись последней тирадой сидящего за самым важным столом этого мира, уловив толком лишь про «ситуацию «Z»).

Магда слезла со стола.

— Нет, Симпс. Он сказал, — она явно завысила тональность на последнем звуке, — что «он выберет себя сам». Вспомни.

Симпсон кивнул. Кажется, хотел что-то сказать и — промолчал.

Магда продолжала.

— Значит, я понимаю так… Сама по себе Книга Закона хранится в… сейфе за семью замками до… так называемой ситуации «Z». А все это время народ плодится и живет без всякого закона, подчиняясь лишь гласу совести или… как это правильно называется? Но… с другой стороны, чем сложнее общественная структура, тем сложнее и отношения между людьми, так… Ах, вот в чем соль и перец! — она щелкнула в воздухе пальцами.

Симпсон, лицо которого превратилось в недвижимую маску, с обалдевшим выражением глаз смотрел на нее. Грейс исступленно кусал губы, подергивая головой, и гипнотизируя какую-то точку на полированной поверхности с фитильной лампой, резным коробом для бумаг (документов), и увесистой печатницей — все это умещалось на столешнице, в остальном обширный стол при должной фантазии мог напоминать полигон. Не исключено, что обалдевшему Грейсу сейчас так ненавязчиво и казалось, ибо он уменьшался, становясь лилипутом, и бегая собой по смутно отражающей глади, бегая во взгляде, в… мысли, в… полушепоте бессодержательного онемения. Хотелось кричать, но что-то держало. Лишь губы шевелились, то ли кусая себя, то ли

силясь сказать главное: что он ни при чем.

— Мы должны были показать модель общества, которое без всякого Закона самоадаптируется из века в век, сохраняя гармонию социального раритета.

— Как-то мудрено глаголешь, подруга, — заметил чуточку оживший Симпсон.

— Как умею… та-а-ак… Хорошо. Значит, «законник» нам нужен был бы только тогда, когда эта сплюснутая спираль в развитии стала бы для нас реальностью, то есть, когда бы мы начали восходить на следующий виток, на верхнюю линию знака. И если бы в этом процессе обнаружилась неустойчивость, то…

— Нам понадобился бы и Закон и «законник». — Довершил витиеватость ее мысли Симпсон.

— Нет… — Указательный пальчик Магды в ходе общей задумчивости проник своим кончиком за сочную мякоть нижней губы. — Не совсем так. Опять же — «законник» должен был выбрать себя сам… понимаешь? — Ее глаза блестели отсветом прозрения. — А если бы такого не нашлось, то мы бы преодолевали этот трудный участок в развитии… БЕЗ ЗАКОНА!

— Спасение утопающих…

— Дело рук самих утопающих.

— Безумие…

— Да, нет же, Симпс! Все просто. Есть зачаточное общество. Это же не многомиллиардная цивилизация, которой десятки и сотни тысяч лет. На этом мизерном островке можно попробовать внедрить систему отношений… КОТОРОЙ НЕТ! Вот они и выбрали нас… в качестве кроликов.

Теперь Симпсон сел на стол.

— И кажется, у нас ничего не получилось.

Он постучал пальцем по плотному конверту, обращаясь к Грейсу.

— Здесь что?

Несколько секунд губы «законника» нервно подергивались.

— Он сказал… что там Книга Закона… с чистыми листами.

Магда кивнула.

— Которая уже не понадобится. Разве что листы… в отхожем месте.

— Символично. — Буркнул себе под нос Симпсон.

Магда воззрилась на Грейса.

— Что нас теперь ждет?

Тот сжал зубы и закрыл глаза. Было видно как они судорожно бегают под кожей век.

— Смерть.

— Мы больше не нужны им?

Грейс помотал отрицательно головой.

— Мы были осуждены по высшей мере. На Земле нет пожизненного заключения. Наше поселение — только отсрочка.

Симпсон встрепенулся.

— Им нельзя позволить стартовать! У тебя в подчинении боевые роботы. Мы захватим звездолет!

Магда подхватила инициативу.

— А что! Это шанс. Давай, Грейс! Действуй!!!

Но тот даже не двинулся с места.

— Автоматы дезактивированы командой по радио. У них же все предусмотрено…

С этим голова «законника» стукнулась о поверхность стола — он потерял сознание.

Симпсон кивнул на отключившегося Грейса.

— Если бы он смог понять, что означает директива, все бы сложилось удачно. Мы бы построили правильное общество. Мы бы сумели.

— Но он не смог. И на его стороне была Сила… Заблуждение и амбиции одного решили участь всех…

— Странный эксперимент. Диковатый.

— Ты ранее употребил другое слово.

Симпсон кивнул.

— Да. Безумный.

— И мы не оправдали своего права на жизнь… Так-то.

Они расслаблено уселись в стоящие возле стола удобные кресла, глядя друг другу в глаза. В их молчании таилось бессмертие сродненных навсегда душ.

— Я никогда не говорил, что люблю тебя? — Спросил, наконец, Симпсон.

— Я догадывалась.

— Ты самая лучшая из всех женщин, каких мне доводилось знать.

— Ты самый лучший из мужчин…

Они помолчали.

— Думаешь, это будет ядерный удар?

— Какая разница, милый.

— Ты права.

— Думаю, они пощадят рожденных на «Иремусе».

Так они и сидели, глядя друг на друга, любуясь друг другом, молча признаваясь в сокровенном. В каждом мгновении, в каждом гулком ударе пылающих сердец пульсировала принадлежащая только им одним вечность. Сейчас. И всегда.

Симпсон улыбнулся.

ТЕРЗНОВЕНИЕ ПРАХА

«За границами мрака существует иная реальность. Эту реальность не охватить рассудком. Сознание, что вышло за предел собственного естества — блуждает в поисках того праха, которым являлось при жизни…»

(Начертание на камне при входе в один из почти разрушенных временем склепов; на самой окраине кладбища бесформенный постамент с выдолбленным предупреждением: «только для слепых»)

✦

Секунды, каплями влаги сочились из сырого пласта прогнивающей древесины, падали во тьме в тишину мертвого покоя, в зловонном наслоении склизких останков находя различные микроскопические русла. В каждой такой секунде оживлялась вечность. И было что-то вполне обыкновенное, и даже обыденное в том, что эти капли струились по истлевшей органике и материи древнего как мир праха.

Когда-то он жил.

Он упивался прохладой и тускловато сияющим свечением неба, что ускользало ввысь, будто прячась от завороженного взора и терялось среди мерцающих в самой глубине пространства звезд и едва различимых в этой искрящейся тьме туманностей. Планетарное светило прерывало эту идиллию мрака, восходя над поперечником горизонта, где темное небо, озаряемое предрассветным матовым бликом, сходилось в одно целое с бескрайней дремлющей в истоме землей.

Все было так и не так.

Восход таил в себе смысл преображения, предел естества. Озарение пространства. Восторг бесконечности, что теряется во всеохватном призраке света.

Вечность играет с разумом в прятки в этой безостановочной перемене мерцающего ничто. День и Ночь — пустота кажущегося. В каждой точке пространства бессмертие. Дыхание природной сверхсубстанции — что неуловима ни для взора, ни для отсроченного на гибель и пустотность ума.

Замутненная разумом прогалина смысла.

Все так. И как всегда иначе.

Беспокойный мир, формующий недвижимость.

✦

Он оторвал взгляд от горизонта и посмотрел на свои руки, на их раскрытые ладони, что, не смотря на проникающую даже под одежду влагу, были сухи и горячи. Он обтер ладонью лицо и посмотрел снова. Теперь кожа на сгибах

сетчатого рисунка блестела от влаги. Он присел на корточки и дотянулся этой рукой до затылка трупа, но тут же отдернул ее, едва коснувшись этого места кончиками пальцев, и ощутив твердую упругость холодного как сама земля тела. Еще некоторое время он пронзительно смотрел на лежащего в липкой кашеобразной грязи широко раскрытыми глазами, в которых бесновалась искорка безумно дикого упоения моментом, хотя одновременно в них затаился и слепой ужас. Затем его вырвало. Прямо туда, где только что скользнула пальцами его увлажненная то ли росой, то ли потом, рука.

Закопав труп, он спрячет его от света.

И сделать это нужно немедленно, потому что рассвет не заставит себя ждать. Скоро начнет светать и в предутренних лучах, что озарят для взора то, что покрыто мглой, он увидит смерть такой, какая она есть воплощенная в свое непорочное естество.

Он прозреет в гибельном величии смерти.

Жизнь требует жертвы.

Эта жертва — его постижение сущности безумия... жизни? Смерти...

Самого себя.

Потому что труп в сочащейся влагой и кровью грязи — это он и есть.

Сам.

Это его умершая мечта.

✦

След из бездонного провала прошлого.

Всплеск ясности, озарения.

Осознание...

— ... Падшие во грехе не минут кары Господней! Акмен,.. Мутopт! Дьявола прибежище в нас!

Фастольф очнулся, но еще не раскрывал глаз. Его веки подрагивали.

— Не идите путями гибели! Прибежище в одном! Он в нас! Но не мы... Свет Господа сияет в тех, кто...

Звучный голос потонул в реве многоголосья, в истерии толпы.

Фастольф открыл глаза и приподнял голову. Он лежал совершенно голый на твердом настиле ворсистого ковра. Над ним возвышалась широкой боковиной массивная дубовая кровать, инкрустированная по углам узорчатой каймой белого металла. Тонкая работа. Он нахмурил лоб, силясь что-то вспомнить.

— Входите тесными вратами! Сатана искушает, но путь веры праведен!!!

Орущий звон мембран. Акустическая вибрация. Что-то вспомнить...

— Возрадуйтесь! Ибо десница Господня скоро воззрит на вас! БЛАЖЕННЫ...

«Мертв...»

— Не искушен тот, кто верует! Примите...

«Как будто...»

Фастольф сел. Нащупал рукой стенающий голосами прибор.

— И-С-К-У-П-Л-Е-Н-И-Е!!!

Истерическая волна взорвалась, но, не успев достичь предела, что громоподобен и нестройно раскатист, внезапно оборвалась на гудящей ноте, — его пальцы что-то надавили на корпусе радиоприемника.

Это был сон. Теперь он вспомнил.

Сон, в котором он умер. И в то же время нет, потому что должен был остаться тот, кто погребет его труп, вживит, а вернее, вмертвит его в тесные недра земли, грязи, ввергнет туда, где смрад настолько сперт, что он даже не ощущается. В эту полость. Где влага сочится прямо в Вечность, томясь в пустоте и гнилой насыщенности каждой секунды. Единого и нерушимого мгновения.

Это может свести с ума. Фастольф встряхнул головой и на миг закрыл глаза.

— Я вернулась.

✦

Как короток миг забвения!

Он кивнул и поднялся.

Марта посмотрела сначала на его лицо, потом насмешливо прищурившись, ниже линии живота. Ее губы поджались.

— Я принесла нам поесть. Ты голоден?

Он внимательно посмотрел на нее. Утонченная линия смеющихся губ. Озорной блеск в проникновенно смотрящих глазах; нет,.. не смотрящих — именно проникающих, хотя и это может быть не совсем верно. Глаза, что знают твою суть с изнанки. Глаза — корнееды.

И, вдруг, от этих самых корней его оголенное естество начинает въедливо покрывать твердая кромка нарастающего ужаса, и он омертвело застывает в тисках-объятиях плотно прилегающих корой не просто к коже или телу, а к самому его сердцу. Он понимает, очень отчетливо и одновременно не совсем внятно, что не знает кто она, хотя как-то чувствует, что она часть его

(жизни?)

самого. И может быть... главная часть.

Но он совершенно не знает кто она такая.

Чуждая. Пришедшая из тьмы дверного проема, за которым вечная ночь, и холод, пронизывающий и леденящий до центра позвоночного столба, и пространство, что непрерывно (и вероятно так было всегда) проваливается в бездну самого себя не оставляя надежды на покой.

Она вернулась из ниоткуда. Она сказала, что вернулась...

Марта подняла на уровень груди целлофановый пакет, дно которого оттягивалось книзу его содержимым. Что там? Сырой бифштекс? Чьи-то внутренности...

— Я приготовлю. А ты пока оденься. Голому пища не впрок.

Он силился что-то сказать, исподволь движимый больше инстинктом, чем разумением, но язык зачем-то ткнулся в прикус зубов, а полость рта налилась свинцом. Он услышал свое сердце — его замирающий бег в клетке времени, что отчертило четкие линейные границы для его разума. На место размеренного биения сердца наплывала безудержно хаотичная пульсация ничем невыразимой жути.

Она была облачена в легкое платье из тонкой, плотно облегающей фигуру материи. Красное. Не доходящее до колен, с глубоким, чуть ли не до копчика,

вырезом на спине, который он увидел, когда она повернулась чтобы войти в… кухню? Разделочную?

Просто сумрак. Он шевельнулся. Что-то побуждало его двинуться за ней. Марта… Откуда он знает ее имя?

Фастольф открывает глаза.

Он лежит одетый на застеленной, убранной постели, и его ноги в грязных башмаках с налипшей на подошвы и боковины грязью покоятся на отсвечивающем глянцем, совершенно чистом покрывале из какого-то синтетического материала. Чистом… за исключением того места, где расположились в раскидку его ботинки на твердой подошве, что чуть жали ему даже сейчас, хоть он и не двигался. Тем более не бежал. Он давно собирался купить себе другие.

Давно…

Грязь на них уже засохла. На покрывале тоже.

Он поднимает руку к лицу и кладет ладонью на разгоряченный лоб, тут же ощутив некоторую непривычную шероховатость его кожей. Он даже не смотрит на руку. Он уже знает, что она так же в наростах засохшей грязи. И вторая мало чем отличается от первой. И его костюм местами покрыт источающими сырость, и какой-то плохо различимый земляной смрад, кляксами и потеками.

Всему есть свое вразумительное объяснение. Подобающее и обстоятельное.

Он, видимо, все-таки закопал того… кем бы он ни был. Без лопаты. Без ничего. Просто руками, которые теперь наверняка сбиты в кровь. Может быть, на некоторых пальцах не хватает ногтей. Он не будет проверять. Он слишком устал для того, чтобы знать еще что-то, что можно так запросто и ненавязчиво ЗНАТЬ.

Устал.

Возможно потому, что не знает главного: кто он и что с ним.

Он будет лежать так долго. Пока не войдет она. Марта? Но это будет уже его следующий уровень восхождения. Куда? А может быть нисхождения. Он давно перестал что-либо понимать. Единственное, что он понимает и знает совершенно достоверно — он никак не может проснуться.

И это самое страшное,.. жуткое даже может быть, хотя словами вряд ли возможно взвешенно определить… это состояние? Просто — это. Осознание

того, что он не может проснуться гнетет его самым глубинным утробным ужасом, потому что он... ибо он... не в состоянии з н а т ь ЗАСЫПАЛ ЛИ ОН ВООБЩЕ!

И если нет, то он хотел бы обрести свой прах. Найти его в самом себе или в той бескрайности пустоты, что гнетет саму себя, что за дверным проемом, в который войдет...

Открывая каждый раз глаза, он ждет самого себя. Давно ли? Ему могло бы показаться, что Вечность, если бы он только допустил в себе возможность подобного вопроса. Но он его сознательно старательно избегает.

Какая разница?

Он привык делить это безумие с призраком самого себя, коим на деле и является. И так было всегда. Так. И нет. Как-то по-другому. Иначе. Не как всегда.

Осознание в сумраке замутнения.

Он ждет.

И почему-то его терпению нет предела.

— Я вернулась.

✦

Всякий раз это происходит однообразно и в тот же момент по-разному. Но в чем отличие — понять невозможно. Калейдоскоп, в котором как его не крути, всегда отыскивается один и тот же узор. Не обнаруживается — сам собой, нет. Общий узор всегда издевательски разнообразен и отличен от предыдущего, от последующего. Но во всех есть что-то плохо различимо знакомое.

Так и здесь,.. то есть, так и с ним.

Пытается найти себя, а находит следующий сон.

По сути, у него нет даже времени всерьез подумать обо всем этом. А может времени вообще нет? Во всяком случае, для него. Забвение. Его бытие — полное забвение, которое медленно кружит его в вихре не существующих событий, которые в свою очередь не более чем нескончаемые отражения друг друга в мутном и кривом зеркале субреальной действительности. А он... повторение самого себя. Он, непонятно какого размера матрешка с бесконечностью вкладышей. Дешевая кукла...

Мысль, вполне полновесная, ощутимо весомая, цельная о том, что он должен во что бы то ни стало проснуться, не успевает конкретизироваться, фактически сформироваться, дабы своим необратимым движением вытолкнуть его из зацикленного мира чудовищно жутковатых грез.

«Если я умер...»

Фастольф открыл глаза и тут же болезненно зажмурился — прямо в мозг ударила волна яркого и безучастного ко всему света. Только пульсация откуда-то из центра... да, ему, где-то за гранью сознания показалось, что самой Вселенной, не имеющей начала, конца... завершенности? Он повернулся на бок и приоткрыл подрагивающие веки. Его взгляд уперся в несколько покрытых крохотными капельками росы травинок. Фастольф с шумом выдохнул.

«Будет лучше, если я встану».

Сказав себе это неторопливой мыслью, он так и сделал.

Долина света. Не тронутая цивилизацией природа. Прохлада ветра и жгущий кожу жар солнца. Терзновенный порыв родящего всякую жизнь истока. Будто молчаливый мир желает войти в него. Проникнуть до самого нутра. И?

Возможно, где-нибудь поблизости есть водоем.

(И... разорвать в самое ничтожное, какое только возможно; в пыль... и еще меньше. Прах. Наконец, ПУСТОТУ. Или же сдавить так сильно, как могут давить тиски, что где-то поломались и не раздвинутся больше никогда, но он... почему-то должен оказаться в них; между МОЛОТОМ)

Река или озеро. Или море. Он всегда любил воду. Но не сырость.

(и НАКОВАЛЬНЕЙ, но молот, ударившись с гудящим на высокой ноте звоном, не отскочит как обычно...)

Например, там, под поверхностью, очень глубоко,

(а, кажется, прирастет)

где срезанные лопатой стенки сочатся и дышат гнилью,.. если яму не зарывали, не забрасывали грунтом. Тогда, может быть он сможет

(навеки —)

выбраться, сломав истлевшую древесину гроба...

(молот, что, застыв, кует пустоту)

Если только ты умер — хотело сказать или прошамкать бесплотными губами что-то внутри него и будто боялось.

(И ЭТА ПУСТОТА И ЕСТЬ...)

Гнушалось правды и одновременно искало ее, рыская во мраке призрачно действительного «я» своими бесконечными тенями, что выползают из коридоров невидимого в кромешной тьме лабиринта.

Почти все время, открывая глаза, он неосознанно для себя искал нечто вовне. Впрочем,.. не то чтобы искал. Просто беспокойство, слегка гнетущее неопределенностью.

А потом приходит она. Каким образом, откуда — это не вопросы для спящего разума. Всего лишь...

— Я вернулась.

Он хочет улыбнуться. Беспокойство, неясная смута оставляют его, облекаясь в конкретность. Если он ждал ее, то это оправдано.

Красное платье с глубоким вырезом. Она сбрасывает его бретельки с плеч, грациозно снимает с талии и оно падает к ее ногам, в траву, согретую солнцем и насыщенную влажной прохладой раннего утра.

— Тут за камышом пруд. Искупаешься со мной?

Он хочет сказать, да. Он даже уже чувствует, как что-то живое струится у него под ложечкой, согревая чресла и сдавливая нежно в паху. Ее нагота ослепительна. Ее движения царственны и одновременно развратны.

Но, вдруг, его столь недолгое спокойствие облекается в уверенность, которая выворачивает неотступно наползающей жутью его нутро наизнанку. Он хочет сделать шаг. Чтобы коснуться ее.

«Марта...»

Но он не знает кто она. Похоже, он НЕ ПОМНИТ САМОГО СЕБЯ. И, если он коснется ее, то не вспомнит НИКОГДА.

А значит — не проснется.

А значит — его сон будет длиться ВСЮ ВЕЧНОСТЬ.

Она скрывается в камышовых зарослях, проникнув меж стеблями настолько пластично, так откровенно особенно в этот момент, подчеркнув эротичность своего движения, что не заворожиться этим зрелищем было бы весьма противоестественно с его стороны. Но его сдавливал незримыми тисками ужас, душил и вгонял в прореху сосущей пустоты. Ослепляющей тьмы. Потому что такая плотная тьма раздавливает белковые луковицы глаз. Она ужасна, убийственна, кромешна. И она где-то внутри него, потому что он ощущает ее сосущую пульсацию. Она утягивает его естество. В ту дверь, хотя он уже и не помнит о ней ничего. В эти камыши... или озеро, не суть важно. Она... Марта.

Фастольф осознает это где-то за границей своего убаюканного (смертью?) разума. Но это осознание недвижимо, мертво. И потому не действенно и бесполезно.

Но случайность...

Калейдоскоп безумия сместился как-то не так? Что-то наслоилось, какие-то несовместимости?

Его ужас, глушащий внутри все звуки мира, плавно переплетается с желанием, соблазном,.. может быть отчаянной похотью. И от этого тиски глубинного сумрака сдавливают только сильней. Так, что он почти физически ощущает это давление.

Но говорить все равно не может.

Все что нужно сделает его тело.

Куда она прошла?

Здесь еще покачивается камыш... или это ветер.

Он слышит плеск.

— Как хорошо... Милый, иди сюда.

Фастольф пытается уловить какую-то расплывчатую мысль, поймать и собрать ее в целое. Что-то о снах.

Но явь...

Жуть и истома.

Желание и непреодолимый ужас. Желание, впрочем, тоже. Это даже не страсть.

Его трясет.

Когда он коснется ее кожи, его сердце разорвется от столкновения в груди восторга, упоения, которым нет предела и...

«Марта!!!»

Он погружается в камыши. Его ноги сами нащупывают путь. Его руки. Ее тело. Все сливается и он кричит.

С этим криком он пробуждается.

Сознание медленно возвращает его в русло реальности. Глаза еще закрыты, но он чувствует во внешнем свету после тьмы бессознания едва колеблющиеся тени. Не видит, но ощущает. Еще немного побыть в этой призрачной и уже не реальной тьме. Отойти от шока. Пусть успокоится колошматящееся в груди сердце. Оно птица. Оно хочет вырваться из клетки и обрести свободу. Неплохо. Почти поэтично. Он постепенно успокаивается.

Кто-то склоняется над ним и Фастольф открывает глаза. Маячит свет. На этот раз все плавно, без резких переходов. Он узнает ее. Его разум сжался.

— Любимый, я думала, что потеряла тебя.

Он только закрывает на секунду глаза в знак ответа. Он все понимает, хоть и не понимает главного...

— Ты был в коме...

Она сидит у его постели. Ее рука утонченными пальцами подтирает влагу под глазами.

«Всего лишь кома, а не смерть».

Он осторожно нащупывает сознанием путь в том потоке облегчения, что начинает наполнять его и нести в свободное от тисков мрака пространство.

Потом он открывает глаза, но перед ним, в нем, вокруг — все та же кромешная тьма.

Как всегда. Не иначе и все же, в чем-то по-другому.

Но он не помнит. Что. И как.

Рука движется и нащупывает перед собой твердость этой тьмы. Всепространственный сумрак не безграничен, он сжат в подобие плоти, что

окаменела.

Тьма сочится влагой, и нечто в нем ощущает ее движение по микроскопическим запутанным руслам разложившегося тела. Он, конечно же, не видит свою руку. Не важно, что упирается в твердую пустотность пространства. Даже, если он сам.

И больше ничего нет, кроме него и бесконечности плотной неразличимости существующего НИЧТО.

А плотность этого пустого мрака и есть он сам...

Фастольф.

Нашедший себя во мраке и бездне безвременья.

Лишь мгновение…

Память.

Твердыня.

Вечность.

Рука отрывает едва ощутимые пальцы от чего-то липкого и глубокого сразу. Она начинает плавно водить неразличимой кистью справа налево. Все плавней и мягче. Ветер. Здесь не хватает этой странной причуды естества. Как же (здесь) не хватает ветра! Его веки смыкаются. Прозрачность сна, который никогда не закончится. Симфония вечных истин в каждом движении истлевших пальцев. Он музицирует. Это инферно и «кавалькада»; темп нарастает… гармония беззвучия. Вместе с ним в этом бесконечном миге трепещет в экстатическом ритме слепого порыва весь тот мир, который насыщен ветром. Инферно и опера. Кармен. Здесь спряталось чувство, что раньше скакало верхом на ветре. Он что-то помнит на этот счет. Как-то знает. Пальцы стынут и растворяются во мраке.

Он открывает глаза.

✦

Отирает запекшуюся слезинку.

✦

Глубоко вдыхает свежесть утра. И думает. Просто — нахмурено — думает: о чем-то.

Подвешенные на крюки тушки. Завтра? — опять на смену. В холодильник... холодильник. В термосе надо заваривать — прямо в термосе, так лучше. Горячее с холода. Приторно-терпкий чифир. Смак.

Или приблизительно, о том, что соседская хмара с потрясающим воображение бюстом требует — специально — внимания. Жениться, что ли... на всякий случай — женится. Сон в руку? Приспело... Вся в красном... жуть. Вырез глубокий. Глаз проваливается — в ложбину — не достать. Смотрит косо. Но это — полдела... ничего, главное — решительно. Давай — и все. Сама же хочешь. Молча. Дура.

Или... например о том, что больше никогда не будет пить стопку, оставленную покойному. И вообще, он больше не придет на поминки. Даже...

Не придет — в общем — и все.

Фастольф... ну и имя. А какой яркий сон!

Он открывает глаза. В душе пустота. Снова прикрывает, трет пальцами веки. Свет (утра) мешает думать.

Поминки — дерьмо. Дешевая, сивушная водка. Хозяйка — дрянь, жадюга, жаль было налить пятую...

А где он еще «отметился»? В голове кузнечный цех.

Поминки...

Да, его, собственно, не приглашали.

Но... поминки.

Хозяйка — выдра.

Покойник весь синий.

Черепа бессмертных

I

На дороге было слякотно, Кирилл отер нос рукавом, поозирался, шмыгнул для уверенности.

— Долго еще?

Влад скользнул по нему взором, измерил путь в наседающей туманной дымке, промолчал.

Вроде бы было утро, а чувство такое что ночь глубокая, хотя светло, но ощущение, со всех сторон, давит туманом, что должно произойти что-то, загадочное, свойственное темной поре, ночной поре… В ночи эдакий особенный сладкий смрад на душе бывает, от сердца идет, сжимающегося от страха. Но вот утро, вроде. А смрад.

Влад посмотрел пристальнее на Кирюху, чуть схмурился.

— А тебе зачем бабка Зайда, собственно?

Тот хмыкнул придушливо, еще озираясь. Не смотря на проводника, как будто с язвинкой в голосе буркнул:

— Натаха не хочет меня.

— Это которая с длинной косой такая?

— Ага. Дура.

— Ну… ты поаккуратнее, не выражайся, в смысле… не терплю словодрязгов.

— А я чё… — пожал плечами, губу нижнюю выкатив, по земле шаря глазасто, руки в карманы штанов прячет. Чуть пританцовывая, или подрагивая.

— Холодновато, да? — Влад окинул, измерил Кирюху, будто на глаз положил, и отбросил. Подобрался телом, тоже руки в брюки сунул, вздрог чутка, хмелея от тумана, что уж заполонил почти дорогу, проник в лес, сгустился. Идти ли дальше? Старый егерь говорил, что на дороге к гремучей коряге часты туманы.

— Ну, пойдем, что ли?

Кирюха закивал энергично. Двинулись.

— Смотри, если потеряемся, громко говори, услышимся, найдемся.

Тот снова шмыгнул, поджавшись от прохлады, втиснув руки в тело, в карманах в кулаки свернув, двигая ногами как ходулями, в коротковатеньких штаниках, осенней курточке давно потерявшей цвет, местами потертой, в полурваных

кроссовках грязновато-белого вида.

В их деревне, Шмыгли́ прозывалась, народу немного, все друг друга знают. А этот прошлым летом заявился, на старой разваленной конюшне ночевал, днем, кому подсобить, подрабатывал, за кусок хлеба, да молока крынку. И кто-то ему историю про бабку-ведунью наплел. Мол, живет у гремучей коряги такая, порчу наводит, сглазы снимает…

Первый раз слышал Влад о таком. Про корягу слыхивал, но то было еще с детства, даже видел издали как-то, один раз… Поговаривали гремит она ночами. Но не во всякую ночь, а ту, которая станет для кого-то из ближайших деревень последней. Кто эту байку муторную придумал, надавать бы по шее… Да и нет кругом более деревень, ближайших, Шмыгли́ одна. Таежное, можно считать, село. Да деревня деревней, ясен пень. Народу до сотни. Но живут, дружно, в смысле. До города далековато, но если крайняя нужда, то, понятное дело, и до города махнуть можно. У Михалыча мотороллер взять. Есть еще транспорт, у Кузьмича. Но тот просто так не даст, прижимистый. Жизнь в селе тихая, спокойная, иногда городские заезжают, тут лесной кряж, за ним целебное озеро, в последнее время народ часто заезжать стал, видно слух пошел. Но это в другую сторону. Они же шли на север. Влад понятия не имел где искать эту ведьму. И есть ли она вообще. Но кто Кирюхе про это сказал, молчит. Странный. Сказал бы, яснее бы стало как и чего.

И пристал, ты, мол, места знаешь, проводи. Обещался помочь на поле за это. А Влад в фермеры метил. Соображал как и чего. Деньги копил. У них тут общественное хозяйство, то ли колхоз будто, то ли не поймешь что. Из района приезжал чиновник, так он у него интересовался на счет фермы. Тот пояснил. Ничего, вроде выгорит.

Шли уже в тумане.

— Как тебе сказал твой незнамо кто? Возле гремящей будто?

Тот закивал усиленно, будто ему невидимой рукой беззвучные подзатыльники давали.

— Подойти надо к коряге. Там и видно станет.

Влад хмыкнул.

Шли еще с час. И вроде потемнело. Хотя, в лес углубились, значит? Дороги под ногами уже не чуялось. Валежник мокрый, хотя, вроде бы не сворачивали же… шли как бы по дороге. Он поднял глаза и увидел корягу. Это было давно

упавшее дерево, огромное, сломанное бурей, наверное, но пня-то не было вроде! Странно. Хотя, Влад сильно и не интересовался тут — отчего упало, как упало. Лежит и лежит. Истлевает. Подошли.

Кирюха обхаживал вокруг, мусоля глазами древнюю кору, морщинистую и пахнущую… да, будто тем самым… таинственно.

— Ну и чего далее? Я тебе место показал, довел. Что дальше делать-то?

— Ждать. — Угрюмо выдохнул паренек.

Влад прыснул.

— Чего ждать? Тебе эта старуха нужна, про которую я первый раз слышу? Так где она живет? Под корягой?

Влад резко склонился, демонстративно шутовски выглядывая что-то там внизу. Под корягой были только листья, валежник, высохшая, и мокрая от тумана трава.

Распрямился..

— Тю-тю! — развел руками, — пошли назад.

Тот неистово и молча, даже поджав губы, замотал головой. Глядя в землю.

— Так кто сказал тебе?

— Она.

Протянув руку показал за спину Влада.

Тот стал медленно оборачиваться.

Никого.

То что у Кирюхи за год пребывания в деревне сложилась репутация чокнутого, он был в курсе, хотя ранее не сообщался с ним, не здоровался даже, проходил мимо.

Вернулся лицом к пареньку.

— Где?

— Ты не понимаешь! — Он сел на корточки, охватив лицо ладонями, сидел, покачиваясь. — Я должен был сюда прийти, должен! Натаха… она меня не хочет!

Влад покачал головой, сокрушенно. Недоумевая. Бывают же люди… что в голове, какой винегрет?

— Назад пойдем?

Тот снова мотнул головой, отпуская лицо. Посмотрел вверх на Влада, еще выше, будто любуясь туманом.

— Она тебя хочет.

Влад оторопело уставился на него. Вот новости. Он на Наташу и не смотрел вовсе с эдакими мыслями. Доярка. Она одна в селе… тьфу, в деревне, ибо до села тут как до луны. В смысле, с именем таким одна.

— И что? Она тебе сама сказала?

— Нет, — мечтательно молвил Кирюха, любуясь пустотой вверху, — я это понял сам.

Влад сложил руки на груди. Увесисто. Напрягаясь мышцой.

— И как ты это понял?

— Она улыбалась тебе.

Влад напряг память. Да, было, он как-то на дороге предложил ей подсобить, донести бидон. Она отказалась, улыбнувшись. Если в этом смысле, то у нее жених есть, вообще-то.

— Ты в курсе что у нее жених?

— Да-а-а… — будто очарованный протянул Кирюха, продолжая созерцать нечто у него над головой.

Владу начинало надоедать это. Работник был нужен, подсобные руки, один он не справлялся с прополкой в срок. Сегодня воскресение, и вроде как выходной, и дал себя уговорить «показать дорогу на корягу». Но дело зашло слишком далеко. После всех пояснений, и «за вот тем поворотом свернешь еще раз, пройдешь километра два, будет валун, после валуна еще раз повернешь вправо, там увидишь»… Нет, покажи, я заплутаю, мол, и всё тут. И тут Кирюха пообещал, что поможет за так на поле до конца страды. Ну, за так не за так, кормить-то все равно придется. Тот когда подрабатывал и копейку какую зашибал у местных. Один раз месяцев пять назад и к нему приставал, мол, за низкую плату готов, дай только работу какую. А он сам справлялся. Не надо было.

Посмотрел куда смотрит Кирюха, задрав голову. Туман, и будто сгущение какое, маячит что-то неясно. Так, естественно, туман-то все-таки! Чего там может быть, от дерева что ли ветка, вон же дуб вроде, рядом, толстенный. И коряга эта тут же валяется.

Скрипнуло. И тут стало греметь, сперва едва слышно, но нарастая. В спину что-то уперлось. Влад резко повернулся.

II

Он медленно приходил в себя, пытаясь приподняться, ибо лежал, распластавшись на мокрой земле. Над ним маячило лицо. Прыщавое — Кирюхи.

— Она тебе улыбнулась, а мне нет.

Влад опустил голову на траву. Вверху все еще что-то маячило. Туман не сходил.

— Как будто меня нет… понимаешь? Меня.

Зашуршало. Над ним склонился еще кто-то.

— Бабка Зайда, ну чего он такой, что ему улыбнулась, а мне нет?

Клюка в костлявой руке показалась из вороха обветшавших одежек, пахнущих чувством ночи, погрозила. Низкий раздавленный голос дребезжанием сиплым прорек:

— Ты знаешь где его душа? — костлявый кулак затрясся над его лицом, глаза Влада не могли отвести взгляда от этой жуткой пародии на живое. — Время знает!

Палец выползший из кулака затрясся вверх. Он не видел лица в балахоне, но ощущалось что там безумные, выкатившиеся глаза, выпученные, страшные застывшим взглядом, как у слепца.

— Веди еще одного, — шуршащий голос ушел от его лица в сторону.

— Я их всех приведу, всех!

— Хорошо.

Молчание.

— Того сними, этого повесь.

Голос говорил с расстановкой, придыхивая, будто вымучено, сипло.

И Влад увидел, что паренек, метнувшись в туман, видимый, уловимый, стал карабкаться вверх, будто бежал по дороге. Послышалась возня над самой головой, и из тумана что-то свалилось прямо на лицо Владу.

— А Натаха?

— Будет тебе… но сперва увековечим черепа бессмертных!

Лес гремел. Было слышно сердце, которое еще билось. Там, в темноте, где чувство сладкого смрада.